

КОЛЬЦО ВРЕМЁН

АННА
СЕШТ

HELGA
WOJIK

ПУТЬ УПУАТА
ТАМ, ГДЕ НЕ ЖДУТ ЖИВЫХ



Helga Wojik

Анна Сешт

Кольцо времён. Путь Упуата

Серия «Архитекторы реальности.

Иллюстрированная фантастика»

Серия «Кольцо времён», книга 2

indd предоставлен правообладателем

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=66587464

Анна Сешт, Helga Wojik Кольцо времён. Путь Упуата:

ISBN 978-5-04-159813-6

Аннотация

Египетская коллекция лорда Карнагана проклята – в этом у журналиста Якоба Войника не осталось никаких сомнений. Вот только кто наложил проклятие? И как связаны между собой история открытия гробницы царевны-колдуньи, освободительная война её эпохи и нынешние события?

Древнее кольцо окружено трагедиями и смертями, и мёртвые не спешат открывать свои тайны. Чтобы докопаться до правды, Якобу самому придётся заглянуть в пространства, не предназначенные для живых, и пройти путём Упуата.

Содержание

Пролог	9
Глава 1	20
Глава 2	37
Глава 3	60
Глава 4	81
Глава 5	101
Глава 6	118
Конец ознакомительного фрагмента.	120

Анна Сешт, Helga Wojik

Кольцо времён

Путь Упуата

Художественное оформление Екатерины Тинмей

Иллюстрация на переплете Данияра Альжапара

Иллюстрации в тексте и на форзацах Helga Wojik

© Сешт А., Wojik Н., 2021

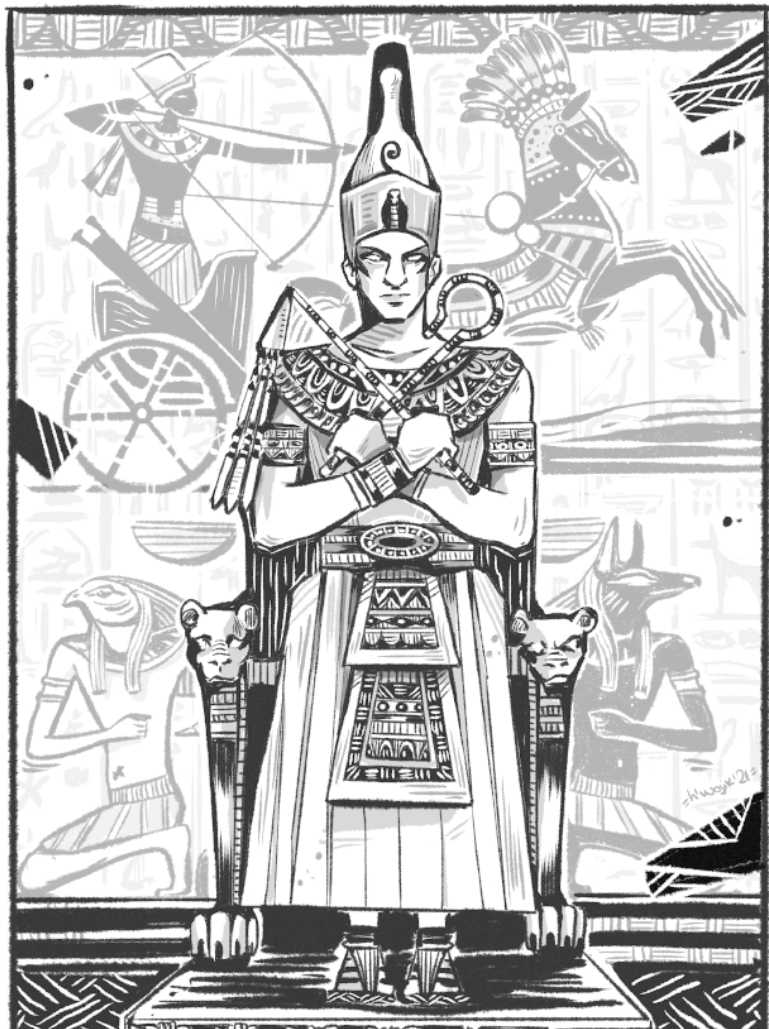
© Оформление. ООО «Издательство «Эксмо», 2021

* * *



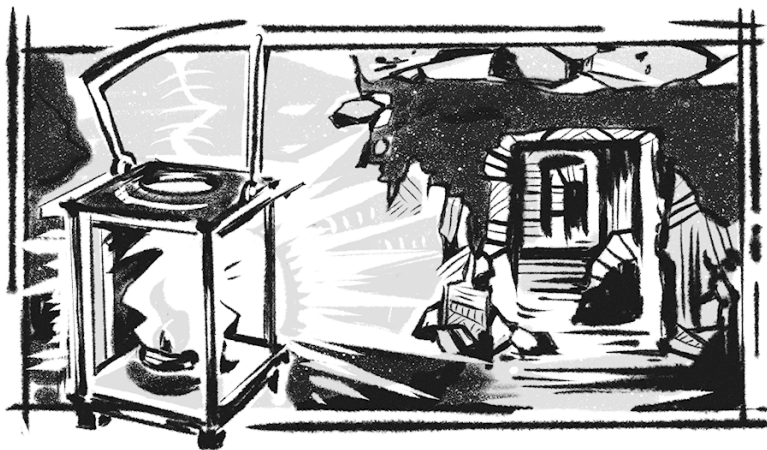
Саундтреки

<https://drive.google.com/file/d/1puOZwt8I7X1-tPzdKMUdvT8VgSXsYMAK/view>
<https://drive.google.com/file/d/1m7eoUA0N8YBCbaJhVHHr46II5ZD0nTYO/view>





Пролог



Год 1871, Дейр-эль-Бахри

«Спаси их... Спаси...»

Эти слова бились внутри, стучали в висках вместе с пульсом.

«Спаси... Спаси...»

Она была в отчаянии, и как Джонатан ни пытался, он не мог достигнуть её, привести в чувство. Её боль граничила с безумием, обжигала, подстёгивала. Больших усилий ему сто-

ило отстроить своё восприятие, отделить свой разум от её, чтобы хоть кто-то из них сохранял трезвость суждений.

Ночь была тихой и безмятежной, словно в противовес тому, что творилось внутри. Ярко сияли звёзды, гораздо более близкие, чем дома. Да и где теперь был этот дом? Джонатан сморгнул, сосредоточился на настоящем, стараясь не заглядывать за вуаль времени, соскальзывающую, обнажающую иной образ этих мест. За спиной остались древние храмы, сегодня – не более чем руины, в которых с трудом можно было угадать их прежний облик. Впереди петляла среди скал едва намеченная тропа. Призрачный многоликий шёпот, когда-то пугавший его, бился о границы восприятия далёким прибоем. Те, кто обитал здесь прежде, спешили рассказать ему свои истории, ведь он умел слышать их. Но сейчас Джонатан пришёл не за этим.

Его спутники тихо переговаривались. По пути никто из них не зажигал светильники, чтобы не привлекать ненужного внимания.

Обломки известняковой породы скользили под ногами, и шёпот камней казался оглушительным грохотом. Их могли обнаружить, ведь за этим местом следили.

«*Спаси...*» Голос снова вторгся в его разум, изгоняя все прочие мысли, напоминая.

История с покупкой мумии была ловушкой, чётко выверенной провокацией, но не попытаться Карнаган не мог. Он использовал все свои контакты, отдал немало денег нужным

людям, чтобы добыть драгоценные останки.

Крик на грани восприятия, от которого череп готов был треснуть, он помнил до сих пор – вой отчаяния, неуловимый слухом, но заставивший содрогнуться всё его существо. Тело, извлечённое из золочёного саркофага, было переправлено через множество рук, прежде чем попало к нему, но...

Вмятое в череп некогда прекрасное лицо, которое он чужой памятью помнил живым и величественным. Изящные руки, сжимавшие поводья коней боевой колесницы, – пальцы, разделённые на отдельные фаланги, словно рассыпанные причудливые бусины. Тело – расколотый сосуд, в котором недоставало большей части фрагментов. Останки были не просто повреждены, а осквернены, и как Джонатан понимал – осквернены целенаправленно.

Выманить её... нет – их обоих. Заставить действовать бездумно, опрометчиво.

В другое время *она* бы поняла, прислушалась к нему, согласилась выждать. Дала бы ему время подготовить всё, как нужно. Джонатану не хватало совсем немного для сокрушительного удара, который прервёт цепочку роковых событий.

Потеря, казалось, надломила её, подточила её Силу. Ему даже начало казаться, что вернулись безумие и ярость, с которыми он когда-то столкнулся впервые.

«...Правый глаз Его – Солнце, и левый – Луна. И когда ослеплён Он, то карает друзей своих, принимая их за врагов... И в глухой ночи оживают Тени, и творятся дела лжи

и истины. Ложь подменяет истину, и истина – ложь ...»

Разве не того добивался *Кахин*?¹ Готовился к открытому противостоянию. Время игр разума закончилось. Покров тайны вот-вот будет сорван. Оставалась какая-то пара шагов...

Но *она* не могла ждать. Что ж, ради *неё* он должен был попытаться. Будь что будет. Даже если это окажется новой ловушкой – ему будет что противопоставить людям *Кахина*. И сам он больше не станет скрываться. Нечасто тебе дарована роскошь выбирать время для решающей битвы. Но зато место, где эта битва состоится, Джонатан Стоун, лорд Карнаган, знал.

Тропа привела к зияющей черноте грота, замаскированного так тщательно, что не знай он точного местоположения – даже не догадался бы свернуть и заглянуть сюда. Обломки горной породы и песок были расчищены, но разглядеть это можно было не сразу среди скал, изрезанных пустотами, рукотворными и природными.

Они остановились у края. Теперь без света было не обойтись. Отвесная шахта уходила в глубину, боги знают на сколько метров. Уже не раз Джонатан успел подумать, что лучше бы предпринял это путешествие днём, но такой роскоши у него не было.

Он бросил вниз небольшой камешек – точно в глубокий колодец. Нет, вроде бы не настолько глубоко, судя по звуку...

¹ Kahin – по-арабски жрец, оракул, провидец.

Люди *Кахина*, скорее всего, использовали лебёдку. Карнаган с трудом мог представить себе, как бы они карабкались из тайника со всем добром. Он даже устройство этой гробницы представлял себе смутно – в его распоряжении была только грубо нарисованная схема без точных мер, да и эта, с позволения сказать, карта досталась ему большой кровью.

Шахта, небольшой прямой проход, затем коридор, уходящий вверх, глубоко в тело скалы. Как далеко ему нужно пройти, Джонатан тоже не знал – *она* должна была подсказать, хотя эту гробницу строили совсем в другую эпоху, многим позже правления её семьи. Так *она* говорила, пусть время и было для неё лишь условностью.

Воображение рисовало ему прекрасные яркие рельефы на стенах, несметные сокровища, за которые с лёгкостью убивали. Желание увидеть всё своими глазами пересилило даже страх – вполне рациональный – свернуть себе шею при спуске. Когда это закончится, он обязательно вернётся сюда, чтобы сделать записи и зарисовать хотя бы в силу своих умений.

Сопровождавшие его люди были надёжными, работали на него давно, а всё же, когда они под руководством Джонатана укрепляли верёвки, промелькнула шальная мысль: останутся ли они с ним до конца? Не испугаются, не бросят ли здесь?

Какие Боги могли помочь благополучно пережить эту ночь?

Упуат, проводник душ...

Меретсегер...

Джонатан обернулся, окинул взглядом скалы некрополя, потом посмотрел вверх, на россыпи вечных звёзд, светивших когда-то для неё. Коротко вздохнув, он начал спуск, стараясь не думать о глубине шахты и даже о том, что ждало внутри. Сосредоточиться на каждом мгновении, отсчитанном стуком сердца, на каждом небольшом движении, потому что если хоть одно движение будет неверным...

«Уплат, Открывающий Пути, проведи меня к цели. Не ради себя прошу, ради тех, кого нужно спасти...»

Показалось, или силы в руках словно бы стало больше, а чёрный зев гробницы уже не вызывал головокружительный трепет? Впрочем, после всего пережитого испугать его, наверное, не могло уже ничто.

«Меретсегер, ослепи моих врагов...»

Эту фразу Джонатан в самом деле повторял так часто, что в итоге нанёс её не только на страницы дневника – на предплечье, как вечное напоминание. Оберег. Что за шальная мысль побудила его сделать это когда-то? Наверное, дело было в том случае, когда он впервые увидел проклятое Око... Око, переставшее быть защитным символом...

Ослепи моих врагов...

Некстати вспомнилась та первая встреча. Первое обнаруженное тело. Изуродованное лицо – рот, развернутый в безмолвном крике, пустые глазницы и воск. Печать. Символ.

А ведь он думал, что мадам Анабель погибла при пожаре... Как же многого он не знал тогда, в тот роковой вечер,

который должен был стать триумфом отца.

Тёмный зев шахты заглывал его, шаг за шагом. Осторожно Джонатан продвигался вниз. Светильник он укрепил на поясе и намеревался зажечь только внизу, когда придёт время искать проход.

В следующий миг над головой прогремел выстрел. Потом ещё один. Зазвенели в ночи встревоженные крики.

С возгласом Джонатан рухнул вниз. Страхующие верёвки рывком впелись в плоть. Прожигая ладони, он остановил падение, но больно ударился спиной об один из выступающих камней. Сердце стучало где-то в горле, и руки дрожали от напряжения. Беспомощно Карнаган завис между невидимым дном и клочком звёздного неба, проглядывающего в колодце шахты. Что творилось наверху, он не видел, хотя нетрудно было догадаться – их всё же нашли.

Ещё один выстрел. Истошный крик. Чьё-то тело, точно куль, рухнуло в шахту, чудом не зацепив Джонатана. В темноте он не разглядел, был это враг или друг.

Рука нащупала револьвер, укреплённый на поясе, с другой стороны от светильника. Карнаган мог бы воспользоваться *иным* своим оружием, заставить всех их бежать – и своих, и чужих. Заставить забыть не только зачем они пришли, но и кем они вообще были...

Джонатан коротко покачал головой, отбросив соблазнительную мысль. Рискуя в спешке свернуть себе шею, он заскользил вниз – быстро, насколько мог.

Ноги коснулись спасительной каменистой земли. Где-то рядом остался труп. Отвязав страховку, Карнаган привалился к стене, позволил себе отдышаться и вскинул голову. Там, наверху, шёл невидимый бой, и вечные звёзды словно насмеялись своей безмятежностью. Он оказался в ловушке, но не собирался отдавать свою жизнь дёшево. Пусть рискнут спуститься...

Зажигать светильник сейчас было слишком опасно. Ощупью он нашёл начало замаскированного прохода, уходящего в тело скал. Отсюда уже было очевидно – этим путём ходили не раз, а ход был завален ровно настолько, чтобы им можно было воспользоваться в любой удобный момент.

«Меретсегер, ослепи моих врагов», – беззвучно шептал он, проползая внутрь.

«Спаси... спасайся...» – её шёпот был измученным и тихим. Сейчас уже иные голоса вторглись в восприятие Карнагана далёким нарастающим прибоем. Привычно он заслонился, отстраивая восприятие, чтобы не кануть в видения чужой памяти. Первый проход пришлось преодолевать ползком, ощупывая шершавые слоистые стены. Звуки боя остались за спиной – древняя гробница поглотила всё.

В какой-то момент он сумел распрямиться, тут же ударился головой о низкий потолок и выругался, совсем не как подобало джентльмену. Да, лучше всё же было зажечь светильник.

Трепещущий язычок пламени хоть немного разогнал древние тени, и Джонатан огляделся. Никаких росписей ослепительной красоты, которые уже успело нарисовать воображение. Он оказался в пещерах, которые даже не вполне походили на рукотворные. Словно некоему неведомому зверю угодно было выгрызть себе проход, а до шлифовки стен, пола и потолка монстру, очевидно, не было никакого дела.

Камни под ногами крошились и предательски скользили. Карнаган спотыкался, пару раз падал, но успевал вовремя схватиться за стену, чтоб хотя бы уберечь фонарь. Оказаться здесь в полной темноте было перспективой безрадостной. Хотя куда он шёл и зачем?..

Взгляд выхватывал какие-то ниши, проходы, заваленные беспорядочно разбросанной утварью, ведущие в никуда. Основной проход – путь неведомого зверя – шёл под углом вверх. Джонатан растерянно огляделся. Совсем не так он представлял себе гробницу, последнюю обитель десятков властителей древности. Это место скорее походило на склад... притом на склад, за которым очень плохо следили. Но здесь были те, кого он мог призвать, чей гнев мог обрушиться на врагов... спасти тех своих людей, кто ещё уцелел...

В следующий миг Карнаган понял, что не один здесь. Звук шагов доносился сразу отовсюду, отдаваясь дрожью в позвоночнике. Джонатан давно уже отвык бояться. Ему ли было бояться после всего увиденного, после того как он неотрывно смотрел в бездну неведомого? Но эта тяжёлая поступь

приносила с собой позабытый липкий страх... и казалось, древние мертвецы отвели взгляды от Джонатана, незваного гостя новой эпохи, и обратились к тому, другому...

Слух едва улавливал приглушённый скрип и скрежет. Разум был надёжно защищён от многоголосого хора шепотков. Стук собственного сердца казался оглушительно громким.

Древние мертвецы вдруг замолчали, и даже *она* как будто замерла...

Огонёк светильника дрогнул, как от порыва ветра, и испуганно погас. Но ещё прежде Джонатан Карнаган успел различить силуэт, сотканный из теней гробницы и выросший в проходе перед ним. А потом его разум взорвался оглушительным воем:

«*Анх-Джесер!*»



и вряд ли виной тому был ласковый бриз кондиционера.

Предупредительный водитель белого «Бентли Континенталь» был не арабом, а европейцем. Точнее сказать было трудно – с гостем он разговаривал мало, зато на ломаном русском. Уточнять маршрут не требовалось – куда везти, водитель и так прекрасно знал.

На *Кахина* работали самые разные люди. И теперь он пополнил их число...

Египтолог тряхнул головой, пытаясь выпутаться из липкой паутины тяжёлых мыслей и страха, который стал его постоянным спутником в эти пару дней. Всего два-три дня... и жизнь изменилась в корне. Никаких открытых угроз – лишь учтивые разговоры, разумные объяснения, как надлежит поступить. Очень настойчивые объяснения, с которыми просто невозможно было не согласиться.

И вот теперь он, одетый в подаренный гостеприимным хозяином шикарный костюм – ведь господин учёный не знал, что будет гостить там несколько дней, и ему нужна смена одежды? – ехал в не менее дорогом авто домой.

Домой ли?..

Если всё делать правильно, из всего этого можно извлечь пользу, и обе стороны будут чрезвычайно довольны соглашением. Так ему объяснили. Его предшественник был менее стоворчив, но что поделать, ведь не всем достаёт мудрости? Не все понимают, что с некоторыми силами лучше быть союзниками, чем бросать бессмысленный вызов. Зачем? Ради

чего терять золотое будущее?

Египтолог постарался сосредоточиться на том, что беспокоило его в данный момент даже больше собственной дальнейшей судьбы. Как там бедняга Говард Картер? Да, Борька всегда оставлял кондиционер на автомате, иначе пёс бы просто задохнулся в каирской жаре. Но без воды, без еды почти трое суток для пса – целая вечность...

Страшно было думать о том, что он обнаружит, когда вернётся. Борька сдёрнул очки и зло протёр глаза, в которых предательски защипало. Глупо, наверное. Тут бы самому выжить, а не пса оплакивать. Да только пёс был единственным родным существом в этом городе, во всей его новой жизни. Конечно же, работа в Каире была его детской мечтой, самой настоящей, к которой он шёл годы. Но при переезде пришлось отказаться от многого. Всё имело свою цену. Зато, возвращаясь в квартиру, ставшую его новым домом, Николай Боркин всегда знал точно – там его ждут. Верный забавно хрюкающий друг, ленивый, постоянно голодный, но такой добродушный, родной. А теперь Борька вляпался по самые уши в такую историю, из которой, наверное, никогда не выберется. Много людей пострадало – он знал. Но люди-то хоть выбирали, так или иначе, куда вмешивались. А вот бульдог был виноват только тем, что жил с Боркиным.

Впрочем... Да, *если всё делать правильно*, он не только выживет...

Оставалась робкая надежда, что *Кахин* прислушался к его

просьбам, когда велел своим людям тщательно осмотреть Борькину квартиру. Николай сам отдал ключи. Ему обещали защиту и безопасность – в обмен на сотрудничество. Но что для них пёс? А если захотят припугнуть? Никаких угроз – просто обозначить, что может произойти, если Николай Боркин перестанет быть разумным и понимающим партнёром.

Борька накручивал себя и совсем потерял счёт времени. Сколько они вообще ехали? Когда «Бентли» плавно остановился, египтолог не удержался и дёрнул заблокированную ручку двери. Водитель невозмутимо глянул на него через зеркало заднего вида, вежливо улыбнулся и вышел, чтобы открыть перед ним дверь.

– Мы приехали, господин Боркин, – сказал мужчина по-русски с тем же тяжёлым акцентом. – Приятного вечера.

– И вам того же, – хмуро ответил Николай, не веря, что его отпустили... а точнее, просто чуть ослабили поводок.

Темнота, подсвеченная золотистыми отблесками из окон, кралась по тихим дворикам и улочкам. Раньше они Борьке очень нравились, но сейчас казались зловещими – может, просто из-за всех тех мыслей, которые одолевали его. Пока египтолог открывал внешнюю дверь, он два раза чуть не выронил ключи – руки дрожали. А потом он поспешил к квартире.

– Пластик? – срывающимся голосом позвал Борька, замерев на пороге, не решаясь даже свет включить.

Тишина. Ни знакомого перестука когтей по полу, ни ра-

достного похрюкивания, которым сэр Говард Картер всегда встречал своего друга после работы. Тихо работал кондиционер. Темнота беззвучно смеялась над его страхами.

Дрожащей рукой египтолог всё-таки включил свет, потерянно огляделся и, сглотнув подступивший к горлу комок, переступил порог.

– Где ты, мой шабак? – тихо позвал он, потом обошёл комнату за комнатой, больше всего сейчас боясь обнаружить даже не кого-то из людей *Кахина*, а... Борька не позволил себе закончить эту мысль, тряхнул головой, отгоняя зловещий образ.

Квартира казалась совершенно нетронутой. А ведь Борька точно знал, что сюда кто-то наведывался в его отсутствие, рылся в его вещах... Фоторамка на полке, ноутбук, книги, разложенные на столе, – всё осталось на своих местах. Кто бы здесь ни побывал, он действовал ювелирно. Единственное, что осталось в напоминание, – это визитка, при взгляде на которую прошибал холодный пот. Золотое Око Хора на чёрном фоне. Зловещее напоминание о вторжении.

Египтолог с усилием отвёл взгляд от визитки, растерянно огляделся. С дивана сиротливо свешивался рыже-коричневый пледик. Борька присел на корточки и заглянул под стол, словно искал не тридцатикилограммового пса, а случайно закатившуюся туда бусину. И стоит только приглядеться повнимательнее – как пропажа найдётся.

Шмыгнув носом, он сел на диван, растерянно комкая плед

в руках.

– Ну как же так, а?.. Как же так?.. – тихо бормотал он, оставившись в коридор. Разум услужливо подсовывал возможные картины бульдожьей судьбы – одна другой ужаснее. На душе было так тошно, что хоть вой. И хотя Борьке было с кем связаться – *Кахин* оставил контакты своего человека, – но ведь не для таких вопросов.

«Нет, извините, я пока не закончил с вашим поручением. Но что вы сделали с моим псом?.. Да, конечно, я немедленно займусь вашим вопросом – только верните Пластика».

Обойдя всю квартиру ещё раз, ещё раз заглянув в каждый угол, Борька притворил дверь и вышел на улицу. Оставаться внутри было невыносимо – дом больше не был убежищем, безопасным логовом, где можно скрыться от всего.

Снаружи было пустынно. Вечерний намаз уже прошёл. Из окон доносились чьи-то весёлые голоса, а где-то на соседних улицах шумели машины. Эта простая жизнь казалась такой далёкой, недостижимой...

Египтолог сделал шаг, другой и остановился, вглядываясь в ночь. Из-за угла дома повернула одинокая фигура в тёмной галабее² и зашаркала в сторону маленького скверика. Обернувшись, араб тихо засвистел и позвал кого-то на удивление ласково... Борька глазам своим не поверил. Комендант! А следом семенил сэр Говард Картер собственной персоной!

² Галабея (*араб.*) – национальная одежда, длинная мужская рубаха без ворота, с широкими рукавами.

– Пластик! – радостно заорал Николай на всю улицу.

Комендант подскочил от неожиданности и напустился на Боркина с привычной руганью. Пластик, напротив, хозяина признал и радостно вилял складчатым задом. Николай, уже не чаявший увидеть пса живым, бухнулся на колени и прижал бульдога к себе так, что тот возмущённо хрюкнул.

– Явился наконец-то, – проскрипел араб. – Забирай свою собаку-свинью, пока её кто-то на шаву не пустил. Хотя свинью на шаву нельзя. Может, потому и не сожрали пока.

Пластик завилял задом – теперь уже коменданту. Неужели научился понимать по-арабски? Удивительно, но на пса комендант смотрел гораздо теплее, чем на кого-либо из арендаторов.

Боркин тихо, искренне поблагодарил этого человека, от которого меньше всего ожидал такой вот доброты. Но комендант остался верен себе – отмахнулся, сплюнул и зашаркал к дому, предоставив Николаю и Пластику праздновать счастливое воссоединение без него.



Удивительно, но на работе его не хватились, отнеслись к его отсутствию просто как к небольшому отпуску, встретив как ни в чём не бывало. И это стало ещё одним подтверждением власти *Кахина*.

С удивлением Борька отметил, что даже его записи по инвентаризации предметов коллекции Карнаганов, привезённых из Москвы, дожидались на столе. Словно и не было никакого нападения в запасниках – привиделось, не иначе.

В середине дня, в обед, египтолог всё-таки прошёл в запасники, готовый ко всему, вплоть до того, что ящики исчезли. Но всё стояло там же, аккуратно, как он и оставил. Это почти пугало. Вдруг и правда привиделось?

Телефон он включил далеко не сразу – не решался сделать это с самого вчерашнего возвращения домой. Отключённый телефон давал иллюзию безопасности, словно так до него не могли дотянуться. Словно так у него было чуть больше времени, чтобы исполнить то, что обещал. Глупо, конечно. Но, в конце концов, в экстремальных ситуациях психика играет с человеком в самые разные игры.

Пропущенные звонки и правда были – несколько, с одного и того же незнакомого номера. Перезванивать Борька не стал – решил, если надо, то сами дозвонятся. Гораздо больше его беспокоило отсутствие каких-либо вестей от Яшки. Ни звонка, ни сообщения. Он даже спросил у коллег, не звонил ли ему кто на рабочий телефон, пока он отсутствовал,

но те заверили, что нет. Впрочем, учитывая то, как они любили погонять чай в течение дня – даже если кто и звонил, дозвониться было делом безнадёжным.

Борька не стал тратить время на текстовые сообщения – набрал другу сам. Их ссора казалась уже чем-то таким далёким и незначительным, что детали сами собой стёрлись, вытесненные происходящим. Ну вспылил Войник, повёл себя как полный придурок – главное, чтоб пережил всё это. Другей у Борьки было мало, и теми, кто был, он не разбрасывался. Он ещё выскажет Яшке всё, что думает, за стаканчиком чего-нибудь покрепче. Может, даже в морду даст, чтоб душу отвести. Но главное, чтоб шанс выпить или подраться им вообще представился...

Вежливый женский голос в трубке раз за разом повторял, что абонент вне зоны действия сети. Это нервировало. Раз за разом Борька набирал номер – увы, безрезультатно. Работа встала. Он просто не мог ни на чём сосредоточиться, то и дело проверял телефон, писал, звонил, но абонент был всё так же безнадёжно недоступен. Конечно, со связью в Египте было по-разному. Вполне вероятно, Войник сейчас прогуливался по гробницам, а там если какой сигнал и можно поймать – то разве что с Сириуса. Вон, даже мем какой-то был про гробнично-храмовый Wi-Fi. Как там? Пароль: птичка, кошка, две пирамиды без пробелов.

Запоздало пришла мысль, что Яшка мог купить себе местную сим-карту – Борька же сам ему не раз советовал, чтоб

связь обходилась подешевле. Может, это он названивал?
Пропущенные вызовы.

А если не он?..

Знакомое липкое прикосновение страха вызывало тошноту. Нет, так дело не пойдёт. Эдак он скоро даже по нужде будет бояться ходить, не озираясь. Решительно взяв телефон, Борька перезвонил по незнакомому номеру.

Ответили почти сразу.

– Мистер Боркин? Как я рада вас слышать, – мелодично проговорил по-английски женский голос, смутно знакомый.

Египтолог опешил, гадая, кому он мог понадобиться. Или *Кахин* решил подсластить снадобье и в качестве связного выделил какую-нибудь красавицу? Прямо как в чёртовых фильмах про Джеймса Бонда. Или про итальянскую мафию. На любой вкус.

– Это Ясмина, – подсказала женщина в трубке. – Я всё никак не могла до вас дозвониться. Простите за назойливость, но я по срочному вопросу.

– Устаза³ Ясмина, рад вам! – выпалил Борька, чуть не упав с кресла от облегчения. Хорошо хоть сидел, а то бы ноги подкосились. – Как поживаете?

– Увы, есть причины для беспокойства. Это касается вашего друга, – в голосе Ясины послышались нотки печали и тревоги.

³ Устаза (*арабск.*) – уважительное обращение к хорошо образованной женщине, особенно – к женщине с учёной степенью.

– А что... что случилось?

– Если можно, я бы хотела обсудить это лично. Мы можем встретиться?

– Конечно! Когда и где вам удобно?

– Вы ведь сейчас в музее? Я заеду за вами где-то в течение часа. Напрашиваться в гости, конечно, невежливо, но...

– Конечно-конечно, поедем ко мне! – Поняв, как двусмысленно это прозвучало, Борька покраснел до кончиков ушей. – В смысле... можем поговорить в моей квартире.

– Вот и хорошо. Буду очень признательна за уделённое время.

– Что вы, это я буду очень признателен.

Ясмينا попрощалась. Борька, потрясённый и взволнованный, отёр пот со лба и уставился на экран телефона, потом внёс её номер в контакты.

«Яшка, во что ты меня втравил, а?» – устало подумал он.

После приёма в Hilton Ramses Войник ясно дал понять, что разница в статусе для него – пустой звук. Хорохорился, ёрничал. Считал, что может замутить с самой госпожой бинт-Карим. Борька уже жалел, что начал его отговаривать. Ну обломался бы сам – делов-то? Может, тогда хоть не свалил бы в ночь.

Вот только друзья же не для того, чтобы во всём поддакивать. Яшка плохо понимал Восток и совсем не представлял, как здесь всё устроено. А у госпожи Ясины были *такие* связи, что даже профессор Тронтон уважительно зака-

тывал глаза, когда говорил о ней. Это только в сказках принцессы выбирают себе в женихи бойких искателей приключений из низов. А у Яшки даже волшебной лампы не было – только светильник с базара Хан эль-Халили, красивый, но без джинна.

Борька всегда сидел на рабочем месте до последнего – и в силу ответственности, и в силу того, что обожал свою работу. Но сегодня он решил, что вполне имеет право сделать исключение, попрощался с коллегами и направился к выходу из музея.

Ясмينا позвонила ещё раз, сообщить, что ждёт его на стоянке у площади Тахрир. Борька готов был к тому, что там может ждать и лимузин, или на чём там ездили современные принцессы. К его удивлению, хоть у госпожи бинт-Карим и оказался личный водитель, приехала она на скромном тёмно-синем «Ягуаре». Ну, скромном для таких людей, как она, конечно. Борька бы себе такую «кошку» позволить в ближайшем обозримом будущем точно не мог.

Выбор цвета авто Борьку тоже не удивил – в своих нарядах Ясмينا отдавала предпочтение синему и бирюзовому. Может, у неё и машины были под каждый наряд? Как у других статусных дам – сумочки и туфли.

Крепкий водитель, он же телохранитель – ручной ротвейлер Ясмины, которого египтолог запомнил по фуршету и другим встречам, – открыл перед Борькой дверь. Это невольно напомнило о вчерашнем дне, но Николай отбро-

сил неприятное воспоминание. Ясмина приветливо улыбнулась ему с заднего сиденья, и смущённый египтолог сел в машину, стараясь удерживать уважительную дистанцию между ними. В голове закружились совершенно бытовые мысли вроде – убрано ли дома? Чем угостить гостью? Кажется, в холодильнике оставалась содовая и лимон. А из еды был только Пластиков корм. Вот тебе и всё хвалёное русское гостеприимство.

– Устаза Ясмина, вы голодны? – невпопад спросил он.

Госпожа бинт-Карим, напряжённо смотрящая вперёд, на дорогу, чуть улыбнулась:

– Благодарю, нет. И не беспокойтесь. Мне уже, право, неловко, что я так неожиданно настояла на встрече.

Почему-то от этого её «не беспокойтесь» Борька и правда немного расслабился, как по волшебству.

«Ягуар» плавно подъехал к дому. Ручной ротвейлер Ясины открыл дверь сначала перед ней, потом перед египтологом. Госпожа бинт-Карим тихо сказала ему что-то, и телохранитель остался дежурить у входа в дом.

Хоровод мыслей пошёл на второй круг – что могло пойти не так прямо сейчас? Если им встретится комендант – опять наорёт, и будет неловко перед гостьей. Как поведёт себя Пластик? И как вообще госпожа Ясмина относилась к животным? Что там учудил этот дуралей Яшка? От волнения Борька нещадно потел, и становилось ещё более неловко. Нечасто к нему навещалась какая-нибудь очарователь-

ная гостья. А тут сама госпожа Ясмينا бинт-Карим... Интересно, а она знала о *Кахине*? Наверняка знала, но лучше было не спрашивать.

По закону подлости в коридоре им встретился комендант, но, похоже, присутствие Ясмины оказывало умиротворяющее воздействие на всех, даже на этого ворчливого Цербера. Стоило госпоже бинт-Карим улыбнуться и поприветствовать его, как араб, кланяясь и улыбаясь в ответ, провожал их аж до самой квартиры, рассыпаясь в цветистых любезностях, словно какой-нибудь восточный сказитель. Даже на Борьку он посмотрел как-то по-новому, уважительно. Раз уж такие гости захаживают, значит, и хозяин не последний человек?

Отперев квартиру, египтолог засуетился – включил свет, запустил кондиционер посильнее, быстренько помыл руки, объяснив, где что, и поспешил на кухню, чтобы налить содовой и нарезать лимон.

– Вы проходите в гостиную! Устраивайтесь.

– Какой очаровательный пёс, – раздалось из комнаты.

Пластик, проигнорировав даже любимого хозяина и перспективу поживиться чем-то на кухне, закрутился вокруг гостыи, хрюкая и всячески выражая ей своё бульдожье расположение. Когда Борька вошёл в комнату со стаканами ледяной содовой, госпожа бинт-Карим изучала книжную полку. Египтолог вспомнил, что там ведь было и её фото, и снова покраснел, но гостья лишь улыбнулась, никак не прокомментировав.

– О, а это – ваша девушка? Настоящая русская красавица. – Ясмину кивнула на фотографию их троих.

– Э... ну да.

– И мистер Войник.

– Это не его девушка, – зачем-то брякнул Борька.

Гостья тихо рассмеялась, что так плохо вышло сейчас с её напряжённым взглядом, и прошла к дивану. Казалось, что-то глубоко тревожит её, хотя держалась она с такой безмятежностью, которая сделала бы честь даже статуе царицы Тии в каирском музее.

Стоило Ясмине сесть, как на диван рядом с ней с поразительной ловкостью загрузился пёс.

– Пластик! – возмутился египтолог.

– Ничего страшного, – заверила Ясмину и погладила бульдога по морщинистому лбу, от чего сэр Говард Картер совсем разомлел и положил ей морду на колени.

Борька поставил стаканы с содовой на журнальный столик и сел напротив. Нерешительно посмотрев на гостью, он осушил свой стакан почти сразу – от стресса в горле пересохло.

– Мистер Войник – прекрасный фотограф, – начала Ясмину. – Я предложила ему участвовать в одном очень важном для меня проекте – о пирамидах, и он с радостью согласился. Хотел даже отказаться от оплаты – такой странный щедрый человек. – Она грустно улыбнулась, качая головой. – Но я настояла.

– Что ж, рад за него, – сухо ответил Борька, костеря друга

на чём свет стоит. Уж мог бы о таком и рассказать!

– Три дня назад мы отправились в Саккару, сделать съёмки для первой статьи. Там... произошёл несчастный случай, и...

Кровь отхлынула от лица. Голос Ясины звучал откуда-то издалека – конная прогулка, прекрасные виды. Хамсин. Псы.

«Коня понесло...» – эхом стучали в висках слова госпожи бинт-Карим.

Они нашли лошадь, но не журналиста. Искали три дня, с самого момента исчезновения Войника.

Три дня... Как раз три дня назад Борька получил приглашение, от которого нельзя было отказаться. Мысль о том, что Яшка пропал в песках Саккары... и, возможно даже, *пропал навсегда*, сделала все его проблемы незначительными.

– Я так надеялась, что он выбрался и связался с вами, – закончила Ясмина с искренней печалью. – Но вы тоже пропали, и я уже не знала, что и думать. Завтра я снова отправляюсь в Саккару на поиски. Люди редко исчезают бесследно, даже в древних некрополях.

– Я с вами, – решительно заявил Борька, прежде чем Ясмина успела озвучить свою просьбу.

Чёрт возьми, он отказывался хоронить друга вот так, где-то в безымянной гробнице среди древних мертвецов, до которых даже археологи не докопались. Найдётся, и живой! А потом можно и в морду дать за то, что заставил всех так переволноваться. Прямо в рамессидский нос!



Глава 2

Жертва во имя царевны



Безвременье

– Упуют, Открывающий Пути...

Перед глазами плыли образы чужих воспоминаний. Приглушённое золотистое свечение озарило коридор впереди, обрисовало точёную фигуру зверя. Чёрный пёс, проводник души, посмотрел на Якоба долгим взглядом, потом качнул головой, словно звал за собой, и двинулся вперёд.

Воинник сделал шаг, другой... Он не знал, что ждало его там, за поворотом коридора, но одно понял вдруг совершенно ясно: он либо разгадает эту тайну, либо умрёт...

Назойливый писк будильника прорезался сквозь зыбкое марево снов. Он хотел протянуть руку, выключить, но ещё не до конца проснулся, и тело не слушалось.

Не слушалось...

Эта мысль обожгла приступом паники. Пиликанье стало ещё назойливее, ускорило вместе с пульсом.

Чья-то прохладная ладонь легла на его лоб, стирая выступившую испарину.

– Просыпайся, солдатик. Рано тебе ещё уходить, – произнёс чей-то мягкий голос над самым ухом.

Он открыл глаза и попытался сфокусировать взгляд. Белый потолок качнулся, и он инстинктивно зажмурился, потом посмотрел снова.

Над ним склонилось доброе лицо женщины средних лет. Тёмные волосы, белая не то косынка, не то шапочка в тон халату.

– Где я? – хрипло прошептал он.

Голоса не было – назойливый писк и то был отчётливее. В голову как будто набили ваты, и всё тело тоже казалось ватным, чужим.

– Как раз там, где надо, – улыбнулась женщина.

– А это где?..

Дверь распахнулась, в помещение влетела девушка – тоже в белом, но её одежда почему-то казалась иной. Более современной?.. Вот же странная мысль.

– Очнулся!

Началась какая-то суматоха. Кто-то что-то спрашивал, суетился. Целая толпа людей в белом, и никто не замечал женщину, сидевшую у его койки, поглаживавшую его по голове. Она заговорщически подмигнула и поднялась, уступая место врачу, который, впрочем, кажется, тоже её не замечал.

– Подождите... – хрипло позвал он.

– Вы это мне? – осведомился врач, поправляя очки смутно знакомым жестом.

Женщина обернулась через плечо, приложила палец к губам... и прошла сквозь стену...

Потом он видел и других. Не все были так добры, как советская медсестра, вернувшая его из комы. Не на всех было приятно смотреть – некоторые и на людей-то не были похожи. И притом все были чертовски реальными, совсем как окружавшие его люди. Различать он научился не сразу. Шаркался в больничных коридорах, ловя на себе удивлённые взгляды других пациентов и медперсонала.

Довольно быстро Войник понял, что лучше это ни с кем не обсуждать, иначе не выпишут никогда – а точнее, переведут в другое заведение. Мать и так с ним натерпелась – примчалась из Чехии, приходила каждый день. Постарела разом на

несколько лет, пока дежурила у больничной койки... Только сына-психа ей ещё не хватало. Потому Якоб держал рот на замке и с удовольствием глотал прописанные таблетки, приводившие нервную систему из пиков и ям панических атак к приятному полуовощному равнодушию.

Реабилитация прошла сравнительно быстро, и он вернулся домой. Мать и отчим некоторое время жили с ним, предлагали уехать в городок, где он вырос, но Войник почему-то отказался. Помнил о решении, которое изначально привело его обратно в Москву, в старую отцовскую квартиру, из которой по такому случаю съехали арендаторы.

Его история была банальна до тошноты – сбил пьяный водитель в центре. Водитель, как это иногда бывает, оказался чьим-то родственником или близким другом, и дело замяли, несмотря на старания и связи Норы Войник. Но по крайней мере Якобу выплатили неплохую компенсацию, которой хватало, пока он учился жить заново. Первое время о возвращении к работе не могло быть и речи, и он начал с малого – пробежки в парке. Чтение. Перебирание своих старых заметок и фотографий.

Войник понимал, что голову повредил себе знатно, но в целом оказался везучиком – выжил и даже не остался овощем. А вот в сознании разомкнулись какие-то засовы, открылись двери, за которые он не был уверен, что хотел заглядывать. Всякая чертовщина, которая ему мерещилась, иногда была даже по-своему приятной, завораживающей, как

старые сказки. Но чаще – отвратительной, гнилой, пугающей, словно мир решил обнажить свой неприглядный лик, теневую сторону, как в рассказах Лавкрафта или Баркера. Но эти ребята тоже были не самыми здоровыми на голову представителями общества, так что Якоб не удивился бы, узнай он, что они и правда *видели* то, о чём писали.

Таблетки заглушали не всё. В какой-то момент пришлось научиться как-то взаимодействовать с новыми реалиями. Потом пришло иное ощущение. Якоб смеялся, сравнивая своё восприятие с водостоком. Ведь если трубой долго не пользуешься, а потом пускаешь по ней поток, сначала хлещет всякое дерьмо. А потом канал вроде как прочистился, и жизнь стала в целом приятнее. По крайней мере, Войник уже спокойно мог находиться один и худо-бедно различал, на каком слое реальности было увиденное им. Научился даже не реагировать, а то люди шарахались. Ко всему можно привыкнуть, ведь так?

До аварии он был преуспевающим журналистом – пошёл по стопам отца, чему мать сначала была не слишком рада, учитывая итог отцовской карьеры. Смерть в горах в ходе частного эксклюзивного репортажа. Якоб тогда был ещё совсем маленьким и в утрату не верил. Думал, что его отец просто уехал в очередное дальнейшее путешествие – может, в Антарктику, может, в пустыню Сахару или даже в Гималаи. Пересматривая отцовские фотографии в престижных журналах, слушая рассказы матери, он буквально «заболел» пу-

тешествами. Тоже мечтал о расследованиях.



Отчим, которого Якоб сумел принять далеко не сразу – как же так, ведь отец должен вернуться! – тоже много рассказывал ему о расследованиях, совсем о других. Но почему-то жизнь полицейского не казалась такой увлекательной, тем более жизнь полицейского в тихом спокойном городке, где из происшествий – разве что случайно сбитая кем-то кошка. Скандальные дела ФБР, «Секретные материалы», уличные перестрелки – всё это оставалось на экране телевизора. А вот путешествия – их можно было реализовать по-настоящему.

Чтобы лучше понять отца, Якоб отправился по его следам. Сперва гостил у бабушки в Калининграде, потом рванул в Москву, где и решил осесть окончательно, поскольку большинство его проектов оказались столичными.

После аварии он оказался в буквальном смысле на обочине. Бывшие заказчики про него забыли, нашли себе новые таланты. Да и давать «щадящий» график никто расположен не был, а работать в полную силу Войник смог не сразу.

Вот тогда-то на него и вышел СанСаныч со своей «желтопрессной» редакцией. СанСаныч был другом отца и давно предлагал Якобу сотрудничество. Войник даже делал для него несколько репортажей, но от постоянной работы в штате отказывался. Не, ну какой серьёзный человек будет писать про полтергейстов на старых бабушкиных кухнях и призраков жертв КГБ, замурованных в переходах метро?

После комы Якоб пересмотрел свои взгляды, да и благо-

дарен был СанСанычу, что не забыл – навещал и подбадривал. Так и получилось, что в итоге Войник стал постоянным сотрудником редакции на весьма неплохом окладе. Работал с душой, ввязывался в любые авантюры и иногда чувствовал себя почти агентом из «Секретных материалов». Малдером, конечно. Вот только Скалли у него не было – некому вытаскивать за шкуру, если влез чрезмерно глубоко...

Воспоминания разворачивались в разуме калейдоскопом – свои, чужие. Сейчас всё больше свои. Может быть, он уже умер? Иначе откуда такая невероятная, нереальная лёгкость во всём теле? Может быть, его настоящее тело осталось лежать там, позади, засыпанное песком и обломками камней. А он лёгким пружинистым шагом брёл сквозь тьму, где единственным ориентиром был ускользящий свет впереди и чёрная фигура пса, ожидающего его за каждым новым поворотом...

Если здесь вообще были повороты.

Удивительно, но пространство вокруг Якоб почти не видел. Иногда он вёл ладонью по шершавой каменной стене и чувствовал под пальцами осыпающийся песок. В другие моменты его ладонь проваливалась куда-то во тьму.

И был шёпот, чьи-то далёкие голоса, от которых он был словно отделён толстым стеклом. Он не мог разобрать слов, а иногда казалось, что он слышит звон... инструментов? Оружия? Задумавшись, он споткнулся о какой-то обломок и

чуть не растянулся во весь рост. Рёбра отозвались болью, как-то издалека, словно пробив вколотую кем-то медикаментозную блокаду. Почти похоже на правду.

Но откуда тогда звон и голоса? А впрочем, удивляться не приходилось. Якоб хорошо помнил некоторые сны, которые посещали его во время комы и после.

Самым прижившимся глюком стала Лидка, но вот сейчас почему-то она исчезла, уступив место псу. Войник остановился, потёр виски, попытался осмыслить своё положение. Потяжелевшее кольцо всё так же жило своей жизнью, притом явно сговорилось с псом и тянуло дальше. Шепчущая темнота накатывала волнами, не то подталкивая вперёд, не то пытаясь поглотить, но страшно не было. Разум оставался кристально чист, и Якоб словно наблюдал за собой со стороны – его частая реакция на шок. Психика защищалась, как могла. Кто-то, наверное, даже удивился бы его равнодушию ко всему необычному. Вот только дело было не в равнодушии – в желании сохранить целостность себя. Не рассыпаться совсем.

Снова вспомнился Лавкрафт. Как там было в том старом рассказе? «Погребённый с фараонами», кажется. Вот и тематика подходящая. Главный герой провалился в какие-то глубокие египетские катакомбы, шёл всё глубже и глубже, пока не нашёл следы очередной исконно лавкрафтовской древней расы... а потом и наткнулся на ритуал каких-то чудовищ под землёй.

«Я расслышал, как где-то в отдалении, едва слышно раздаётся мертвящая душу маршеобразная поступь шагающих. Жутко становилось уже оттого, что звуки шагов, столь несхожие между собой, сочетались в идеальном ритме. Муштра нечестивых тысячелетий стояла за этим шествием обитателей сокровенных земных глубин – шагающих, бредущих, крадущихся, ползущих, мягко ступающих, цокающих, топающих, грохочущих, громыхающих... и всё это под невыносимую разноголосицу издевательски настроенных инструментов. У гиппопотамов были человеческие руки и в них факелы... у людей были головы крокодилов... бездушные мумии... сборище странствующих ка... орда мертвецов сорокавековой истории страны фараонов, будь они прокляты! Составные мумии шествовали в мраке подземных пустот во главе с царём Хефреном и его верной супругой нежити Нитокрис...»⁴

– Нитокрис... мм... – Войник силился вспомнить, кто это.

– *Таа-Нефертари*, – поправил чей-то многоликий шёпот, подхваченный эхом. – *Таа-Нефертари и Анх-Джесер...*

Кто-то или *что-то* толкнуло его в спину порывом ветра, с воем пронёсшегося по переходу. Свет впереди мигнул и начал гаснуть.

– Эй, нет, мы так не договаривались! – крикнул Войник, но его голос замер тут же, не разнёсся эхом, а оказался по-

⁴ Цитата из рассказа «Погребённый с фараонами» Г.Ф. Лавкрафта в переводе О. Мичковского.

глощён темнотой, словно плотным покрывалом.

Ощущение было несколько диким... Он ведь слышал эхо – эхо чужих голосов! Или те, кто обитал здесь, просто были реальнее, чем он сам?..

Бродить по коридорам вслепую он не хотел – поспешил на меркнувший свет, и шепотки подталкивали его, словно шелест морского прибоя или шорох изменчивого песка. И куда подевался божественный пёс?..

В какой-то момент Якобу пришлось пригнуться – потолок давил, становясь всё ниже и ниже, а коридор сужался. Потом он и вовсе пополз на четвереньках. «Нет чтобы стать нормальным призраком и пролететь тут бесплотным ветерком», – подколот себя Якоб, хотя смешно не было. В висках он отчётливо слышал стук своего пульса, учащающегося в преддверии панической атаки. Ну вот только этого не хватало! И вообще, у призраков ведь не бывает панических атак... Если только тебя не замкнёт где-нибудь на границе между реальностями, чего Войник здорово опасался после своих «увлекательных путешествий» на больничной койке.

Весь мир сомкнулся до необходимости ползти вперёд, только бы вылезти побыстрее. Узкий лаз всё никак не кончался, и Якоб уже всерьёз задумался, не поползти ли назад, но что-то подтолкнуло его. Вот теперь стало по-настоящему страшно. Войник что было сил протаскивал своё тело вперёд, сбивая ладони о шершавый камень, испещрённый не то трещинами, не то какими-то символами... и чуть ли не выпал

на открытое пространство.

Здесь было темно, но впереди он видел источник света – узкую щель между створами дверей. Вот только двери были завалены обломками и вездесущим песком, который лился здесь тончайшими струйками откуда-то сверху, словно в песочных часах, отмеряющих утекающее время.

Его время.

Голоса смолкли, и воцарилась мертвенная тишина. Пса нигде не было. Войник даже позвал древнее божество по имени. Темнота снова поглотила эхо, словно сам он был недостаточно реален для этого места. Тонкие струйки песка и обломки камней были более настоящими, чем он.

Это пугало куда больше древних мертвецов Саккары...

Якоб оказался совершенно один в этой пещере... или в зале, чем бы оно ни было.

Узкий тоннель, откуда он только что выполз, зиял него- степриимной чернотой. Темнота щерилась из углов, из невидимых проходов среди камней. Единственным ориентиром оставалась тонкая золотистая щель света... но он же не мог в одиночку разобрать заваленный камнями проход? Да и блоки были солидными – не как у пирамид Гизы, конечно, но весили прилично.

Тяжело вздохнув, Якоб подошёл к груде камней, забрался на неё, попытался заглянуть в щель между створами – безрезультатно. Свет слепил, а полоска была слишком узкой. Он даже попытался толкнуть створы, но те, похоже, откры-

вались в другую сторону.

Сев на камни, Войник как следует выругался. Что делать теперь, он решительно не представлял. Не представлял, как быть дальше. Хорошо хоть голод и жажда его не мучили – казались чем-то настолько же далёким, как и боль в сломанных костях.

Взгляд упал на руку, на кольцо, блеснувшее в полумраке.

– Ну и куда теперь прикажете идти, Ваше Высочество? – невесело усмехнулся он.

Сейчас он был бы даже рад услышать её «Анх-Джесер». Услышать хоть что-нибудь.

Анх-Джесер... Стоп, он ведь знал это место. Здесь укрылся древний архитектор после боя с расхитителями гробниц! За этими дверями располагалась гробница Таа-Нефертари, итог его пути... наверное. Вот только как попасть туда?

Воодушевлённый своей догадкой, Войник вскочил, начал раскидывать камни – те, что помельче. Как перетаскать блоки, он просто не думал – сосредоточился на том, что было ему по силам. Камни скользили с насыпи с тихим приятным шорохом и перестуком.

С перестуком...

В какой-то момент Яша вдруг вспомнил что-то очень важное, замер, сосредоточенно глядя на створы... и его окатило волной ужаса.

Когда он закричал, расходуя драгоценный воздух, было

слишком поздно. Грохот камней снаружи возвестил ему о том, что вход завалило...

Чужой страх сдавил его, запуская когти в позвоночник. Войник отпрянул от дверей, поскользнулся и буквально скатился с невысокой насыпи. Камни дрогнули под его весом, осыпаясь, и он едва успел отпрыгнуть в сторону.

Грохот наполнил зал, и поднялась волна пыли, ослепив его. Заслонив глаза рукой, он кашлял, судорожно пытаясь сделать вдох. А когда пыль и песок осели и он снова сумел разглядеть хоть что-то, то снова выругался – теперь от неожиданности.

Это было невозможно, и всё же он видел своими глазами! Насыпь обвалилась, разошлась надвое, как воды Красного моря перед Моисеем. Створы, ничем не сдерживаемые, чуть приоткрылись, и золотистый свет лился в зал, точно приглашая войти.

Войник сделал несколько осторожных шагов, положил ладони на сухое шершавое дерево и открыл. Подались двери на удивление легко, словно и не были установлены здесь Упуат знает в каком веке. И печати на них не оказалось – никаких предупреждений «Не влезай, убьёт», как на двери в гробницу Тутанхамона. С другой стороны, к царевне ведь уже захаживали незваные гости больше века назад.

Якоб оказался в зале, расписанном рельефами, – настолько небольшом, что впору было разочароваться. А впрочем,

даже самая знаменитая гробница Долины Царей была весьма скромных размеров – когда-то это его очень удивило.

Источник света он никак не мог определить. Казалось, мерцали сами изображения – фигуры и золотистые звёзды, которыми был расписан потолок цвета глубокой, почти чёрной синевы. В паре мест рельефы были выломаны – Якоб вспомнил, что расписные стенные панели были частью коллекции Карнаганов. Там стены не светились, словно камень осиротел, омертвел.

Гробница была обчищена. Всё, что здесь было ценного, растащили ещё в девятнадцатом веке – остался только песок, обломки и несколько каких-то бесформенных свёртков у стены слева. Рассмотреть росписи как следует Войник не успел, потому что пригляделся и с ужасом понял, что это были не свёртки...

Показалось или один из них вздрогнул? «Соскользнул под собственным весом, потревоженный потоками воздуха», – услужливо подсказал разум, желавший оставаться трезвым.

Шорох ткани, лёгкий перестук. Груда шевельнулась уже отчётливо, разделяясь. Иссушенный мертвец в куфии⁵ и галабее поднялся первым, придерживаясь за стену, слепо шаря по рельефам коричневой ладонью. За ним, пошатываясь, поднялся его товарищ, вперил в незваного гостя невидящий взгляд опустевших глазниц. Третьим поднялся труп в грязной, некогда белой рубаше, заправленной в старомодные

⁵ Куфия – мужской головной плат, популярный в арабских странах.

штаны. Руки у него были связаны.

Время и сухой египетский климат были к ним милосердны – тела подверглись естественной мумификации. У европейца даже уцелела огненно-рыжая шевелюра.

Разум капитулировал, предоставив Якобу самому решать свои проблемы, и волна страха накрыла сознание. Запоздало Войник заорал и попятился к дверям, но те уже захлопнулись с сухим стуком. Он попытался выломать створы, бился плечом, пока в совершенной тишине трое шаркали к нему. Ни хрипов, ни утробных стонов в духе Джорджа Ромеро – только шарканье и шелест старой ткани.

Оборачиваться не хотелось. Откуда-то сохранялось совершенно детское убеждение, что если ты не смотришь на чудовище – оно не видит тебя... Вот только Якоб знал, что чудовища бывают разные, и некоторым нужно было посмотреть в глаза, чтобы отогнать.

Даже если глаз у них не было.

Медленно Войник обернулся. Мертвецы были уже в какой-то паре шагов, приближаясь неспешно тесным полукругом.

Взгляд заметался по небольшому залу в поисках хоть чего-нибудь, похожего на оружие. Подхватив какой-то камень, Якоб кинул его в рыжего. Удар пришёлся в плечо, и тот пошатнулся, склонил голову, словно удивлённый внезапной помехой.

Только теперь Войник разглядел их высохшие потемнев-

шие лица, застывшие в безмолвном стане. И ужас почему-то сменился острой болезненной жалостью, хотя сейчас жалеть впопору было себя самого... Мертвецы приблизились почти вплотную, обступили его, тянулись к нему в том же пугающем безмолвии.

Инстинктивно он выбросил руку вперёд, заслоняясь, отталкивая...

Кольцо на пальце тускло блеснуло, и мертвецы замерли как по команде. Далёкий шелест голосов, шепотков, который он уже слышал, пока шёл сюда, поднялся в сознании.

Мертвец в галабее медленно поднял руку, тронул ладонь Войника кончиками пальцев, сухих и тонких, точно палочки.

Ахмед не мечтал о славе. Англичане хорошо платили, а доктор Грэй даже передавал лекарства для его матери. Это помогало ей держаться. Другие говорили, что, если найти что-то по-настоящему ценное, можно спрятать, а потом продать подороже... гораздо дороже, чем платили за несколько дней работы.

Ахмед был честным – оплату ему никогда не задерживали. А доктор Грэй был добр к нему...

Сегодня его попросили аккуратно отделить ещё одну часть рельефа от стены. Он задержался – хотел закончить в тот же день. Тусклая лампадка еле боролась с подступающими сумерками, и он торопился. Рабочие шепта-

лись о проклятии, но он не был суеверен. Аллах бережёт его, защищает и от джиннов, и от других нечестивых порождений. Нечего бояться. Просто в темноте работать сложнее.

Едва заслышав шаги, он не успел обернуться – удавка затянулась на шее.

– Ей нужна жертва. Новый хозяин гробницы...

– Ахмед?.. – выдохнул Якоб.

Второй мертвец в галабее тронул его за руку.

Рашид работал на господина Карима, сколько себя помнил. Причин не доверять хозяину у него не было. Достойная работа – надёжный кусок хлеба и для себя, и для семьи. Главное, не задавать лишних вопросов и делать своё дело.

С напыщенными иностранцами договаривался господин Карим. Те платили хорошо – гораздо лучше, чем можно было выручить на базаре.

Иногда поручения господина Карима были странными, но Рашид помнил – никаких вопросов, и тогда приплатят сверху. Когда ему велено было сломать мёртвой страхолюдине палец и принести кольцо, да так, чтоб никто не видел, – он только пожал плечами и пошёл исполнять. Лучшие уж пусть кольцо достанется господину Кариму, чем англичанам. Им и так есть тут чем поживиться. А рассказывать никому Рашид и не собирался...

Джиннов и мертвецов Рашид побаивался, но потерять

милость господина Карима боялся больше. Когда его послали за припозднившимся в гробнице рабочим – молодым бойким Ахмедом – ничего не оставалось, как подчиниться. Главное, разобраться с этим побыстрее.

Он успел спуститься в гробницу – при этом чуть шею себе не сломал в узкой шахте.

Удар по затылку пришёлся внезапно – он даже вскрикнуть не успел. Умирал, чувствуя, что его тащат куда-то, и кто-то шептал у самого уха:

– Жертва... Ей нужна жертва...

– Рашид...

Мёртвый европеец дотронулся до его пальцев, до сияющего кольца.

– Вечно вы, британцы, суёте нос куда не следует...

Кровь стучала в висках. Шёпот заполнил собой всё.

– Анх-Джесер...

Удары посыпались один за другим. Ричард пытался, но никак не мог вынырнуть из кровавого полумрака – ни крикнуть, ни даже толком вздохнуть. Лишь вспышки света и смутные силуэты мелькали сквозь полузакрытые веки. Единственное, что он мог, – это видеть игру света и тьмы, слышать обрывки фраз и чувствовать боль.

Его оставили там же, в полутьме.

– Поймите, мистер О'Райли, – произнёс тот же голос,

пока чьи-то руки связывали его. – Гробнице нужен новый хозяин. Новая жертва, которая успокоит её.

– Ричард О’Райли был отличным художником, но не владел древнеегипетским. Мог что-то напутать.

– Ричард О’Райли?

– Ну да. В гробнице работало несколько художников, но его работы самые качественные и достоверные. А ты бы смотрел повнимательнее – и увидел, что он подписал каждый свой рисунок. Художники, как и учёные, честолюбивы.

– Ладно, что б там ни напутал твой талантливый ирландец, – это кольцо он изобразил на трупе мужчины...

– Ричард...

Мертвецы не нападали – просто смотрели на него вычищенными глазницами. Несчастные души, запертые в древней гробнице уже больше века.

Якоб нервно усмехнулся:

– Может, вы знаете выход отсюда, а?

Они замерли в тишине, словно осмысливали его слова несколько мгновений, а потом вдруг развернулись, пошаркали к противоположной от входа стене. Войник для верности ещё раз толкнул двери за спиной – те оставались всё так же захлопнуты.

Мертвецы остановились у стены. Художник поднял иссохшие связанные руки и указал на рельеф.

На стилизованном по древнеегипетскому канону изображении Мира Потустороннего мужчина и женщина рука об руку шли за остроухим чёрным псом. Неужели что-то было за этой расписной стеной? Ведь писали же в новостях, что за стеной гробницы Тутанхамона обнаружены какие-то пустоты. А кто-то даже выстраивал невероятные предположения, что там может оказаться гробница Нефертити.

Но если за этой стеной и был проход – трое несчастных, принесённых в жертву хозяйке гробницы, погибли, прежде чем успели им воспользоваться.

Взгляд Войника скользил по рельефу. Мертвецы замерли рядом неподвижно, точно бдительные часовые, – хотя лучше бы, ей-богу, легли обратно к стене и не нервировали.

– Эх, Борька, где же ты сейчас, когда так нужен... – пробормотал Якоб, рассматривая ряды иероглифов, которые сообщали ему не больше, чем зашифрованные рисунки Джонатана Карнагана в дневниках.

Кольцо снова потяжелело и нагрелось – его словно тянуло к этой стене. Войник подчинился, протянул руку, повёл ладонью, следуя за волей артефакта, как за планшеткой на доске уиджа⁶.

Среди рядов иероглифических записей он увидел вдруг знаки, вплетённые в остальные, – словно что-то «подсветило» их изнутри. И точно ключ к замку, его кольцо укладывалось в выбитый рельеф – двуххвостый пёс и другие знаки...

⁶ Уиджа – спиритическая доска.

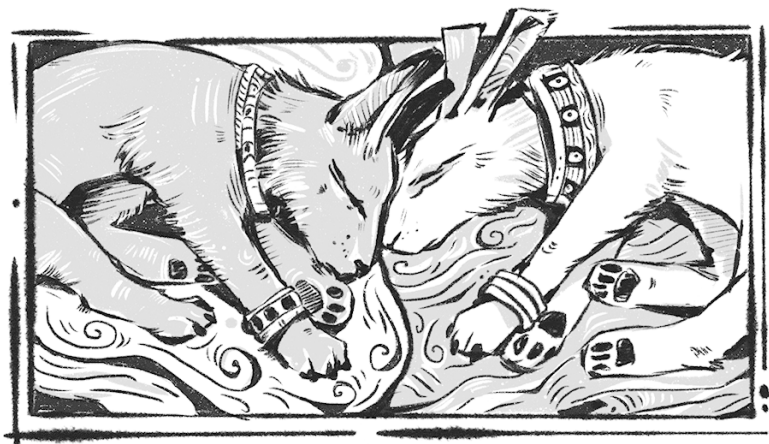
Печать артефакта соприкоснулась с древними знаками на стене...

... и пространство разомкнулось.



Глава 3

Справедливость



Год 15XX до н. э., дальние окрестности Бехдета⁷

Маленький охотничий лагерь отца расположился недалеко от какого-то большого селения, названия которого она не помнила. Раньше ей здесь бывать не доводилось. Отец вооб-

⁷ Бехдет – одно из древних названий Эдфу, города в Верхнем Египте, южнее Луксора.

ще любил путешествовать в разные места, и не только с официальными визитами.

Конечно, они могли бы прийти в само селение, где им с радостью бы отвели лучший дом, и ни в чём они бы не знали отказа. Но когда отец отдыхал, он любил свободу – не раскрывал своё имя, не ждал положенных ему почестей.

Ещё совсем недавно девочка удивлялась: неужели он хочет быть кем-то другим? В его присутствии солнце сияло ярче. Он – великий воитель, мудрый судья, защитник, любимый многими. Зачем же ему притворяться? И только недавно она поняла. Отец не хотел быть кем-то другим, нет. Он хотел хотя бы иногда быть просто самим собой, а не только всем тем, чего ждали от него люди. И когда Таа-Нефертари поделилась с ним своей догадкой, он тепло улыбнулся и кивнул, ласково погладив её по волосам. А ещё добавил, что когда смотришь на всё не только с высоты трона – видишь намного больше.

С недавних пор Секененра начал брать дочь с собой, и не было для неё дней счастливее! С ранних лет отец лично учил её драться, а ещё – метать копье и стрелять из лука, ставить силки на птиц в заводях Великой Реки и ловить рыбу остройгой. У царевны были лучшие учителя, но время, проведённое рядом с отцом, всегда было особенным, драгоценным. Теперь ей, наконец, представился шанс показать, чему она научилась. Как же она гордилась, когда ей удалось подстрелить прыткую газель – её самая первая настоящая охо-

та! Птицы в силках не в счёт. Отец так радовался, хвалил за скрытность и меткость. Таа-Нефертари мечтала, что однажды сумеет одолеть льва или гиппопотама, подобно Владыкам Древности. Секененра смеялся.

– Сейчас я бы и сам не вышел на гиппопотама. Но есть немало иных способов показать свою доблесть.

– Враги, с которыми ты сражаешься, пострашнее порождений заводей и песков, – с улыбкой заметил кто-то из друзей отца, и ласковый взгляд Секененра потемнел от печали.

Нефертари не поняла почему и только крепко сжала его тёплую руку, чтобы ему не было грустно.

Когда воздух над песками гудел от дневного зноя, охотники отдыхали. Сегодня было так жарко, что не спасал ни прохладный ветер с реки, ни тени шатров. Жара сморила даже бдительных телохранителей – они почти дремали и наблюдали за окрестностями так сонно, что Нефертари не составило большого труда тихонько ускользнуть.

Она не собиралась забредать далеко. Дешрет⁸, как всегда, манила её своими тайнами, песнями, которые слышны не уху, а сердцу, но отец строго-настрого наказал не уходить в пески в одиночку.

Подремать ей так и не удалось, и было ужасно скучно. От небольшой прогулки ведь не будет беды? Она взяла с собой лёгкий лук и кинжал, подаренные отцом, – просто что-

⁸ Дешрет – Та-Дешрет, Красная Земля. Древнеегипетское название пустыни.

бы чувствовать себя увереннее, – и направилась к реке. Нужно было позвать с собой кого-то из телохранителей, но эта мысль пришла в голову поздно, когда Нефертари уже стояла по колени в речной воде, наслаждаясь прохладой. Не возвращаться же, правда? Искупаться – и сразу обратно. Никто даже не успеет её хватиться.

Но не успела девочка сложить оружие в тени на берегу и стянуть тунику, как услышала звонкое тьяканье. Два поджарых пса – молоденьких, почти совсем щенков – бежали вдоль воды, резвясь и игриво друг друга покусывая. Один был чёрным, второй – рыжим. В народе говорили, что рыжие звери принадлежали Владыке Дешрет, грозному повелителю бурь, которому поклонялись захватчики, и чьё имя лучше было не произносить вслух. Кто-то говорил даже, что увидеть такого зверя – к несчастью. Но Нефертари любила пустыню, да и этот пёс совсем не был похож на вестника зла – милый, чуть неуклюжий. Главное, чтобы его никто не захотел принести в жертву. Может, удастся уговорить отца взять его с собой? Хотя оба пса наверняка кому-то принадлежали, раз уж до селения недалеко.

Присев на корточки, девочка тихо свистнула. Оба пса навострили уши, внимательно глядя на неё, а потом посеменили к ней. Смеясь, Нефертари гладила их мягкую чуть влажную шерсть, глянцевито блестящую на солнце, а псы лизали ей руки и рьяно крутили хвостами. Она уже пожалела, что не взяла с собой ничего из еды – в самом деле, хоть в лагерь

возвращайся. Эта мысль ей понравилась.

Но стоило Нефертари подняться, как псы припустили прочь.

– Эй, вы куда? – расстроено воскликнула она.

Собаки обернулись, наострив острые уши. Почему ей показалось, словно они звали её куда-то? Девочка шагнула к ним, и они снова устремились прочь. Ей пришлось постараться, чтобы догнать их. Псы останавливались и дожидались её, но как только она приближалась – снова мчались вперёд.

Увлечённая погоней, Нефертари и не заметила, как далеко уже ушла от лагеря, как оказалась на пыльной дороге на подступах к селению. Вокруг простирались возделываемые поля.

Псы побежали быстрее. Спотыкаясь, девочка следовала за ними, стараясь не терять из виду. На дороге было оживлённо, и в какой-то момент её даже чуть не сбила телега. Под ругань крестьянина Нефертари смущённо замерла, поправляя головной плат и пытаясь отдышаться. Вот знал бы этот человек, кто она, – не стал бы так кричать! А пока пришлось припустить прочь что есть мочи, чтоб ещё и хворостиной по спине не получить.

Селение оказалось обширным – с городом, конечно, не сравнить, но впечатляло. Здесь, как и на дороге, царило оживление даже сейчас, когда лучи солнечной ладьи палили немилосердно. В утренние и вечерние часы прохлады, на-

верное, вообще не протолкнуться, а сейчас многие возвращались с работ на полуденный отдых. Кто-то бросал на девочку любопытные взгляды, но не останавливал и вопросов не задавал. Жаль только, что собак она всё-таки потеряла из виду и теперь заглядывала в каждый закоулок в надежде отыскать.

Впереди она услышала радостные крики местных детей. Освобождённые от дневных работ в жару, они охотно вернулись к играм, неутомимые и непоседливые, как сама Нефертари. Может, эти дети расскажут и про собак? В лагерь она ещё успеет, а пока можно познакомиться с ними, поиграть.

Улыбнувшись, девочка поспешила вперёд и вскоре оказалась на маленькой площади, где люди обычно собирались послушать старосту или обменяться новостями. Сейчас здесь почти никого не было, кроме ватаги детей разного возраста, галдевших, словно стая потревоженных птиц.

Нефертари уже побежала было к ним, как вдруг остановилась, разглядела, и её улыбка угасла. Это что же за игра у них такая неправильная? Обступив кого-то, дети выкрикивали что-то обидное и кидались комьями ила и гнилыми фруктами... в собаку? А вдруг в ту самую, рыжую? Царевна ещё не успела разглядеть, но её буквально захлестнуло гневом от такой несправедливости. Все вместе накидываться на того, кто даже не может ответить? Но почему-то никто из взрослых не спешил сюда, не прерывал игру – болтали между собой или спешили по своим делам.

Решительно девочка шагнула вперёд, потеснив кого-то из мальчишек, и только теперь увидела, что предметом игры местной детворы был совсем не пёс. У столба на коленях сидел худощавый парень, кажется, всего парой лет старше её самой. Руки у него были связаны, укреплены над головой так, что он не мог даже заслониться. На насмешки он не реагировал – только прятал лицо. Его спина была расчерчена вязью алых росчерков, кое-где загноившихся от жары – там, где кожа вскрылась. Жадные мухи уже облепили раны, но пленник не мог их отогнать, только изредка устало вздрагивали плечи. Следы от плети... Он был преступником? А всё-таки жив – уже хорошо!

– Эй, а ну-ка хватит! – Нефертари схватила за руку мальчишку-ровесника, который как раз примерялся для нового броска. Судя по всему, это был местный заводила.

– Тебе-то что? – возмутился он, резко высвободив руку, и устоял на неё со смесью раздражения и любопытства.

Остальные прекратили игру и обступили их, предчувствуя что-то интересное.

Девочка вскинула голову, напустив на себя такой уверенный вид, на какой только была способна. Если правду говорили, то она должна была унаследовать какую-то особую силу от родителей. Хорошо бы, чтоб вот сейчас эта сила и проявилась... Ну а на худой конец – она отлично умела драться. Вот только справится ли с несколькими? Вряд ли кто-то вмешается, раз уж и мучить этого бедолагу не мешали.

«Что бы сказал отец? – лихорадочно думала Нефертари. – А мама с бабушкой?»

– Вы зачем на него нападаете? – жёстко спросила царица, вставая между пленником и ребятнёй. – Он же не то что защититься – даже ответить вам не может. Несправедливо.

Хоть кого-то эти слова заставили остановиться, призадуматься.

– А, ты ж не местная. Раньше тебя тут не видал, – ухмыльнулся заводила. – Знала б, что он совершил, – сама бы первая захотела справедливости. На вот, попробуй. Главное, целься как следует. – Мальчишка вложил в руку царицы ком жирной грязи.

Остальные подбадривали, выжидающе смотрели. Стало вдруг очень противно – не потому даже, что руки теперь испачканы, а потому, что не хотелось такой вот справедливости.

– И что же он сделал? – спросила девочка с напускной скукой, тщательно пряча волнение.

Наперебой они отвечали, но не своими словами, а повторяя чьи-то ещё:

– Богов разгневал.

– Крал у мёртвых.

– Осквернял тела.

– Из-за него теперь нам всем отвечать.

– А его ещё и приветили тут!

– Он же ученик смотрителя некрополя.

Из сбивчивых рассказов Нефертари успела понять только, что из погребений пропадала утварь, и кто-то терзал тела мертвецов. Красть у мёртвых было нельзя – это знал каждый житель Обеих Земель. Каждый *коренной* житель – захватчи-кам-то законы не писаны. Но бабушка рассказывала, что, когда наступали тяжёлые времена, а Владыка не мог защитить свой народ от голода и нищеты, люди крали и у живых, и у мёртвых. И даже убивали – не на войне, просто так. А иным вовсе не требовались тяжёлые времена – их вела лишь жажда наживы...

– Если он преступник – то ведь и так уже наказан, – твёрдо проговорила Нефертари. – Зачем же вы все вместе, точно гиены, набрасываетесь?

– Да ты его не жалея, – рассмеялся заводила. – Его всё равно скоро казнят. А может, просто нос отрежут и отпустят. Брр. Главное, тогда пусть подальше убирается. Ну давай, кидай смелее!

Она взвесила в руке ком ила... и, покачав головой, отбросила в сторону.

– Нет, не буду.

– Ну и проваливай тогда, не путайся под ногами.

– А ты меня заставь. – Нефертари чуть оскалилась, возмущённая его грубостью.

– Ну... – Мальчишка немного опешил, потом чуть смущённо почесал в затылке. – Только чур не плакать.

– Я никогда не плачу.

– Ха!

– На меня тоже будете все вместе накидываться? – Она обвела остальных высокомерным взглядом.

Похоже, они были совсем не прочь проучить чужачку. И по-прежнему никто из взрослых не подходил, не вмешивался. Неужели так тут было заведено, когда тебя не защищает титул и власть, дарованная Богами?

Мальчишка остановил товарищей, подняв руку. Окинув Нефертари оценивающим взглядом, он ткнул ей за плечо.

– Один на один. Если выиграю – отдашь свой лук и стрелы, идёт?

– Отдам, – решительно кивнула царица, хотя расставаться с отцовским подарком она как не хотелось. – А если выиграю я – то вы оставите его в покое и уйдёте.

– Ну, Боги свидетели, я тебя предупредил.

– Да наподдай ты ей уже, Ипи, и пусть бежит к мамочке, поджав хвост! – подзуживали остальные. У царицы здесь сочувствующих не было.

С достоинством Нефертари сняла с плеча колчан, бережно сложила оружие неподалёку от пленника. Кинжал остался на поясе, но пользоваться им она не собиралась – нечестно, ведь у противника оружия не было.

От удара кулаком под рёбра перехватило дыхание, и царица от неожиданности потеряла равновесие, неловко села прямо в пыль. Все засмеялись. Стало ужасно обидно, и это было даже сильнее боли. Ипи снисходительно улыбнул-

ся, сплюнул в сторону, решив, видимо, что она всё поняла. Плохо же он знал царевну!

Взвившись на ноги, Нефертари рванула к нему, пнула под колено так, что мальчишка почти потерял равновесие. Под дружное гиканье они накинулись друг на друга, как рассерженные камышовые коты, и повалились в пыль уже вместе, колотя друг друга что есть сил. Ипи был сильнее, но на стороне Нефертари были все уроки её отца. В какой-то момент, ловко вывернувшись, она сжала мальчишку в захвате, как учил Секененра, – используя его силу против него же. Оба тяжело дышали, отплёвывались от пыли. Его товарищи восхищённо переговаривались, явно удивлённые победой чужачки.

– Сдаёшься? – хрипло спросила царевна, чувствуя на себе восхищённые взгляды остальных.

– Неплохо, – протянул Ипи. – Застала врасплох. Ладно, пусти.

Нефертари чуть улыбнулась и ослабила хватку. Ипи оттолкнул её и резко развернулся, сжав кулаки.

– Эй, мы договорились! – возмутилась она. – Сам же сказал, Боги свидетели.

– Ладно, ладно. – Он ухмыльнулся. – Сегодня уйдём. А завтра тебя уже тут не будет.

Об этом она не думала – молча поднялась, расправила на себе короткую тунику и подобрала лук со стрелами. Мало того, что испачкалась, так ещё и порвала подол. Зато уж сво-

его добилась – а это дорогого стоит!

Дети нехотя расходились. Нефертари, уже не обращая на них внимания, присела рядом с пленником, отогнала назойливых мух. Пахло от парня отвратительно, но с кем было бы иначе на его месте? Осторожно царица потрясла его за плечо, крепкое, хоть и худое.

Жар солнечной ладьи дарил жизнь всей Та-Кемет⁹, но небесный огонь не всегда поворачивался к людям милостивым ликом. Так яростная Сехмет¹⁰, защитница трона Владык, обжигала своей силой. Этот человек мог и не дожидаться суда, умереть вот так, под сияющим безжалостным оком Богини.

– Хочешь пить? – тихонько спросила Нефертари.

Парень чуть пошевелился и приподнял голову. Царица невольно вздрогнула, такая воля была в его усталом взгляде. И глаза, даже затуманенные болью, были яркими, как сердолик в браслетах матери. Как же ему удавалось сохранить достоинство в таком положении?

Запёкшиеся губы разомкнулись, скривились в усталой усмешке:

– Я знаю... опять не вода...

– Почему? – искренне удивилась она, отвязывая от пояса флягу с водой. Откупорив, она вылила немного себе на ла-

⁹ Та-Кемет – Чёрная Земля, древнее самоназвание Египта.

¹⁰ Сехмет – богиня-львица в древнеегипетском пантеоне. Покровительница войны, защитница фараонов, воплощавшая собой карающую силу Солнца.

доть, смочила его губы, сухие, как застрявшая в песке коряга. – Вот, пей. Мне не жалко.

Припав к фляге, парень пил так жадно, что царевна испугалась – не захлебнулся бы. Да и сколько времени он провёл тут на солнцепёке без воды? Подумав, она стянула с себя плат, высвобождая непокорную гриву чёрных волос, и прикрыла его обриту, как у жрецов, голову. Хоть какая-то защита от солнца. А она ничего, потерпит.

– Как тебя зовут? – тихо спросила царевна.

– Да какая разница! – Парень дёрнул плечом и прикрыл глаза. Голос звучал хрипло, как скрежет камня по камню, и очень тихо – она едва различала слова.

– А ты правда... осквернитель? – чуть слышно уточнила Нефертари.

Сердоликовые глаза распахнулись и полыхнули живым огнём. Гневом.

– Нет. Я – жрец Упуата, – ответил он с какой-то затаённой гордостью, которая удивила царевну так же, как и воля в его взгляде.

– Не врёшь?

Почему-то ей так хотелось поверить ему.

– Главное, что Боги знают правду, – выдохнул пленник и опустил голову на руку, снова пряча лицо.

– Если Боги знают – надо, чтобы и люди узнали, – решительно заявила царевна и, склонившись к самому его уху, зашептала: – Я тебе помогу. Мой отец – очень важный чело-

век. И справедливый.

Пленник хмыкнул, явно не веря ни единому её слову.

Увлечённая разговором, Нефертари не услышала, как к ней подошли, а потом уже было слишком поздно. Чья-то рука крепко сжала её плечо и резко подняла.

– Ты что здесь делаешь? Отойди от него! – рявкнул средних лет мужчина, нависший над ней.

За его плечом стояли хмурый сухопарый жрец – царевна узнала по обритой голове и амулетам – и пара крепких крестьян. Взгляды у всех были суровыми, недоверчивыми. Но царевна даже испугаться толком не успела – подумала только, что вот теперь, наконец, взрослые решили вмешаться. Нужно рассказать, обязательно!

– Этот человек умирает, – быстро заговорила Нефертари. – А он ведь невиновен! Пожалуйста, отвяжите его. И позовите скорее лекаря – его раны совсем плохи!

– Ты кто такая? – хмуро спросил мужчина.

Нефертари прикусила язык. Отец не велел рассказывать – имена были тайной.

Вокруг начали собираться другие жители деревни. И ва-тага Ипи тоже была тут как тут, хоть он и обещал, что уйдёт. Не сумели справиться с любопытством.

– Я... Мы охотились с отцом... а потом я задержалась у реки...

– Заблудилась? – Мужчина сочувственно улыбнулся, хотя улыбка эта почему-то не казалась искренней. – Тебя, должно

быть, уже хватились. Вот и беги скорее к отцу. Я велю, проведут тебя. – Он кивнул на одного из своих спутников.

Сердце кольнуло тревогой. Идти с кем-то из этих людей совсем не хотелось, словно отвести они её могли вовсе не к отцу, а куда-то, где ей вряд ли понравится.

– Ты здесь староста, господин? – учтиво осведомилась Нефертари и чуть склонила голову. – Тогда ты понимаешь, обязательно нужен справедливый суд! Владыка, да будет он вечно жив, здоров и благополучен, велит, чтобы никому не выносили несправедливый приговор. Так ведь сами Боги заповедовали.

Она могла бы гордиться своей речью – недаром училась, – но сейчас было не до гордости. Староста прищурился, окинув её непроницаемым взглядом.

– Ишь ты, умница какая. И нас учить пришла?

Кто-то из стоявших за его спиной мужчин рассмеялся.

– Нет, просто... Господин, выслушай меня. Он же...

– Всё, довольно. Тебя проведут. И чтоб духу твоего здесь не было!

Нефертари не привыкла, чтобы ей приказывали, за редким исключением. Но этот человек не был ни родителем, ни наставником. Гордо вскинув голову, она смерила старосту взглядом:

– Знай ты, кто я, был бы учтивее, господин.

– Ты ведь так и не соизволила представиться. – От его улыбки стало не по себе. – Всыпать бы тебе за дерзость, но,

видимо, придётся отца твоего дожидаться.

– Нет, подождите, со мной так нельзя! – возмутилась царица, когда по знаку старосты мужчины схватили её, ловко избавили от оружия и скрутили там же у столба, рядом с пленником.

– Посидишь тут немного, подумаешь, как себя надлежит вести на чужой земле, – сурово сказал староста и прикрикнул на собравшихся: – Всё, расходитесь! Не на что тут глядеть.

Прежде чем уйти, он склонился к притихшей Нефертари и негромко – так, что слышала только она – проговорил:

– Посмотрим, будет ли тебя кто-то искать. А нет – тем лучше. Утром разделишь участь своего поделщика, за чью судьбу ты так радеешь.



Стемнело. Милосердная прохлада облегчала дыхание, и в разуме немного прояснилось – хотя бы можно соображать. Спина, по которой прошлись хлыстом, горела, но сознание

плыло, и боль притуплялась. Всё тело одеревенело. С усилием юноша чуть переместился, насколько позволяли пути.

Девчонка, привязанная с другой стороны, спиной к столбу, вздохнула, пытаясь сесть поудобнее. Не жаловалась, не плакала. Сколько же в ней было воли, сколько жизни! И заступилась за него зачем-то, глупенькая... а должно было быть совсем наоборот. Мысль о собственной беспомощности вызывала жгучую досаду, хотя сейчас тревожиться стоило совсем о другом.

Подельник – ну надо же такое придумать! Мысли ворочались неохотно, тяжело. Как её защитить? Он и сам уже был не рад, что вмешался... да только ведь Боги желали справедливости. *Ego* Бог желал. Увы, в распоряжении Упуата, проводника душ, оказался лишь самонадеянный ученик смотрителя некрополя. Не получилось со справедливостью. Где ему тягаться с влиятельным старостой и жрецами, поправившими своё благополучие за счёт подношений мёртвым? Правда дорого ему обошлась. Люди и слушать не станут, кто на самом деле осквернял некрополь... Он-то знал, потому что уже пытался рассказать. Язык не отрезали сразу – и на том спасибо.

Из темноты пришёл поджарый пёс, лёг рядом, как уже делал раньше, когда расходились люди. Девчонка встрепенулась, шмыгнула носом.

– Знаешь, а я ведь сюда за собаками пришла, – тихо призналась она.

– За собаками... Собаки – вестники моего Бога. – Он чуть улыбнулся и тут же добавил мрачно: – Но лучше бы не приходила.

– Лучше бы поблагодарил за воду, – огрызнулась она. – Всю тебе отдала.

– Благодарю, – искренне проговорил он. – А всё равно зря пришла...

Она ведь была ни в чём не виновата – просто оказалась не в том месте, не в то время. Да и он... Вот чего ему стоило старательно отводить взгляд, как все эти годы отводил взгляд местный бальзамировщик? Тоже мне, борец выискался. Защитник мертвецов.

Пёс лизнул спину горячим языком, словно почуяв его мысли. Юноша вздрогнул, зашипев от боли.

– Ты в порядке? – с тревогой спросила девчонка.

– Ну да, – хмыкнул он. Нет, она не издевалась – просто была наивной. Доброй.

– Отец за мной придёт – они тут ещё все пожалеют. – В её голосе звучала удивительная уверенность, которую сам он не мог разделить. – Меня ищут.

– Это хорошо. Главное... глупостей больше не говори... Про меня. Про справедливость.

– Ты что, вот так просто умереть готов? – возмутилась она. – Если только и впрямь не виновен. Как же справедливость?

Юноша вздохнул:

– Понимаешь, иногда так... просто бывает. Боги не успевают приглядеть за всеми.

– Наш Владыка справедлив, значит, и остальные должны быть справедливы, – упрямо возразила его странная защитница.

– Взгляд Владыки тоже достигает не всех.

– Много ты понимаешь, – фыркнула она, но от снисходительности в её голосе почему-то не было обидно. – Как тебя хоть зовут, жрец Упуата?

Знание имени давало власть над другим. Впрочем, теперь-то какая с этого будет беда? Он всё равно обречён.

– Анх-Джесер.

– «Жизнь священная». Ну надо же.

– Такая вот ирония. – Он усмехнулся. Говорить было тяжело, но присутствие девчонки почему-то придавало сил, дарило надежду. И Анх-Джесер был благодарен Богам, что напоследок улыбнулись ему, ненадолго заслонили от одиночества и чужой ненависти. – А тебя?

– Неф... Нефрет¹¹, – сбивчиво ответила она.

Ну да, чего удивляться – такое имя носила добрая половина жительниц Та-Кемет.

– А ты храбрая, Неф-Нефрет, – улыбнулся он, чуть поддразнивая. – Спасибо, что заступилась.

– Просто Нефрет. И знаешь, раз уж сюда меня привёл пёс твоего Бога – должен же быть с этого какой-то прок. Выбе-

¹¹ Нефрет – красавица по-древнеегипетски.

ремся.

Анх-Джесер не стал поддаваться этой соблазнительной мысли. Главное, чтоб у Нефрет и правда был отец, который защитит её. В противном случае её заставят исчезнуть.

Нет, так нельзя... Она была как живой огонёк. Маленькое яркое солнце, дарившее надежду против воли.

– Почему они так с тобой? – спросила Нефрет. – Ты знаешь, кто на самом деле виноват?

Он знал, да. Но ей лучше было не знать.

Пёс переместился, лёг между ними, словно охраняя. Мать рассказывала Анх-Джесеру ещё давно, в детстве, что Упуат смотрит глазами своих псов... Юноша пока не так долго шёл по пути служения Проводнику душ, но верил в это.

Сознание уплывало куда-то – изнеможение и боль брали своё. Нефрет рассказывала что-то, пытаясь подбодрить их обоих. Анх-Джесер почти не разбирал слов, но радовался звучанию её голоса, её свету. Так было проще скоротать эту ночь. Не думать о том, что придёт утро, и...

Ещё до того, как солнечная ладья окрасила тёмный горизонт нежным золотом, пришли незваные гости. Всё селение проснулось, пришло в движение. Анх-Джесер не понимал, что происходит, едва выныривая из тягучего полузабытья лихорадки. В общем гуле кто-то голосил о справедливости. Староста и жрец – смотритель некрополя отбивали поклоны. Кто-то рассёк путы, и юноша, обессиленный, рухнул там же, где сидел.

Всё смешалось в единое морево.

А потом Анх-Джесер отчётливо ощутил присутствие такой Силы, которой не встречал прежде и даже не представлял. Сквозь дымку, окутывавшую разум, юноша увидел высокую фигуру, склонившуюся над ним, протягивавшую ему руку. Тепло. Защита.

Он улыбнулся.

Рядом с этим человеком солнце сияло ярче.



Глава 4

Зов Владыки Дешрет



Год 15XX до н. э., Нубт¹²

Смутные тягучие сны... Завораживающие песни пустыни... Тени прошлого, пугающие и манящие... Забытые легенды их народа...

¹² Нубт – город на юге Египта, известный с Династического периода. Название города связано с иероглифом «золото», Город золота.

В этом кристаллизованном мгновении всё, что он знал с её слов, всё, что видел в ней, слилось воедино. Она уходила в сердце Дешрет, и песок струился с её опущенных рук, заметал след.

«Доверься, доверься мне...» – шептала она, и всех его сил едва хватало на то, чтобы не устремиться за ней.

Догорающий закат обрисовывал её силуэт алой медью, и кровь оглушительно стучала в висках. В этом гуле Анх-Дже-сер слышал зов, которому *она* была не в силах противостоять. Воздух застыл в преддверии бури. Гнев Владыки Дешрет будет страшен, как всегда. Но познает ли *она* и милость древнего полузабытого Бога?

– Не хочу потерять тебя. Тебе не выжить в сердце бури...

– А ты? Как там выжить тебе?..

– Доверься мне. Дождись меня...

И он остался ждать в укрытии древних развалин, до рези в глазах вглядываясь в слепящий закат, поглотивший её. До боли вслушиваясь в нарастающий гул, яростную песнь Дешрет. До крови впиваясь пальцами в крошащуюся кладку сырцового кирпича.

Город, погребённый в пустыне, забытый, как и жизнь, вершившаяся здесь. Гробницы, давным-давно осыпавшиеся от времени. Кости, выбеленные ветрами и песком. Истории Нефертари об этом месте были больше похожи на сказки –

первые ладьи, встававшие на воду. Первые дворцы. Первое противостояние...

Но сейчас, когда закат заливал руины расплавленным золотом, за завесой бури Анх-Джесер *действительно* видел очертания зданий, поднимавшихся из гробницы песков. Как это было возможно? Как всё могло быть таким реальным?

Ветер играл яркими стягами и доносил множество голов. Погребальная пелена эпох, сдёрнутая изящной рукой царевны, обнажала лики приходивших прежде и лик самого Нубта.

Город Золота. Дом забытых Владык.

В мареве бури молодому жрецу казалось, что время и пространство истаяли, что его собственные тело и разум призрачны, лишь нетленное Ка способно шагнуть сюда. Воздух подёрнулся рябью, и явственнее свиста ветра он услышал гул бурлящей здесь жизни. Увидел людей, которым принадлежало это место, для которых сам он был не реальнее сна. Хотелось выйти им навстречу, смешаться с толпой, спешащей куда-то, но Анх-Джесер помнил наказ Нефертари.

«Слишком легко заблудиться в танце эпох... Время – хрупкое и жадное. Нырнув в поток, можно не увидеть свет нынешнего дня...»

Мысль о том, что заблудиться могла *она*, пронзала сердце навывлет. Нет, он не мог позволить себе сомневаться. Он должен был ждать, должен был найти её, когда уймётся буря. Его царевна бродила по улицам из своих снов и знала их, как

изгибы линий на своих ладонях. Она долго готовилась к этому путешествию – боялась и желала его. Она искала ответы, которых не было ни у мудрых жрецов Уасет, ни у царской четы.

О, царская чета никогда не дала бы благословения на это путешествие. Никогда не стала бы рисковать дочерью. Сочтёт ли Владыка его, Анх-Джесера, предателем за то, что не доложил сразу, а последовал за сердцем? Как же сложно было выбирать между абсолютной преданностью одному и другой.

Но он нужен был Таа-Нефертари. Разве мог он не откликнуться на её зов, отпустить её совсем одну? Не мог, так же как сама она не могла не прийти сюда. Не могла не сбегать в пески, раскинувшиеся за границами Уасет, в попытках успокоить свой дух. Не могла не слушать и *не слышать*.

Анх-Джесер знал, что такое зов Божества, что значит быть единым с Силами, превосходящими твоё понимание, и пропускать их сквозь себя. Когда твоя суть настроена в тонком резонансе, и ты не можешь отступить, потому что сама твоя природа, выплавленная в нетленной вечности, выбрала этот путь прежде, чем принял смертный разум.

Но почему же не Амон, защитник Уасет, позвал за собой Таа-Нефертари? Почему не Хор, блистательный сокол, оберегавший трон Владык? И даже не яростная Сехмет, хотя как похожа была его царевна на огненную львицу. Прекрасная воительница. Защитница.

Царевна чтит Богов Кемет и искала у них ответы. Но кто мог предположить, что отзовется ей ярче прочих Божество, к которому она и не думала взывать?

Владыка Дешрет караулил тропы её сновидений, врывается к ней с шёпотом ветра, направляет её руку в каждом выстреле, благословляет каждый её шаг в пустыне, манил обещаниями древних таинств. Анх-Джесер знал – его бесстрашная царевна *боялась*... и все страхи её народа вторили этому.

Отверженный Бог. Покровитель захватчиков. Воплощённое безумие. Безжалостное дыхание пламени. Чудовище, охотившееся под небесами цвета кровавой меди. Безликая память о древнем ужасе.

Безликая память... Нет, у Него был лик, и этот лик однажды увидела Таа-Нефертари, когда упрямо пересилила страх и обернулась, встречаясь взглядом с древней тенью. Она отозвалась шёпоту песков и вою бури и узнала, куда ей надлежит отправиться за ответами.

Анх-Джесер был благодарен царевне за доверие. Не пожелав рисковать гневом отца, Нефертари никому не рассказала о своих планах, кроме него. Царевна ведь могла пойти навстречу памяти древних сама, без него. И отправилась бы всё равно, даже если бы Анх-Джесер не принял. Вот только ему ли было не знать, как нужна опора, когда веришь в свой путь, но не знаешь и не понимаешь до конца. Никогда бы он не оставил Нефертари одну, потому что помнил её ладонь на своём плече и вкус воды в тот день, когда более всего в этом

нуждался. А потом, понемногу, незаметно верность и дружба переросли в необходимость. Ты не стремишься к драгоценной воде – ты просто не можешь существовать без неё.

Теперь Анх-Джесер ждал её здесь, на границе эпох между забытыми руинами и реальным, слишком живым Городом Золота, обителью древнего Бога.

Упуат, Проводник душ, тоже был родом из этой забытой эпохи. И его лик молодой жрец сейчас различал на реющих в неверном свете стягах – хороший знак. А ещё – лик песчаного зверя, о котором рассказывала его царевна. Пространство преломлялось, и время расслаивалось. Вспышками он видел зримое и незримое. Текучие силуэты скользили меж гробниц памяти – псы, люди, чудовища. Видела ли их Нефертари? Говорила ли с ними? Различала ли ответы, которые искала, в многоликом хоре бури?

В какой-то миг он понял вдруг, что нужен ей, что она вот-вот сделает шаг, и не будет возврата.

«Время – хрупкое и жадное...»

Осознание обожгло его, и он крикнул, позвал её. Там, в другой эпохе, никто даже не обернулся. Ночь опускалась на город, набрасывая длинные тени, расцветенные яркими огнями факелов. Здесь же продолжал бесноваться ветер, и Анх-Джесер сам едва слышал себя. А когда он выбросил руку вперёд – казалось, буря слизала плоть с его костей, а сами кости стали хрупкими, вот-вот готовые рассыпаться в прах.

«Нырнув в поток, можно не увидеть свет нынешнего

дня...»

Вскрикнув, он отпрянул. Страх был силён. Все его инстинкты восставали против того, чтобы сделать следующий шаг... Но страх потерять её был ещё сильнее. Отстроив своё восприятие, молодой жрец призвал Упуата. Если кто-то и мог провести его сквозь время и пространство – то только древний собачий Бог, которому он служил.

Отклик тронул сердце, точно невидимые чуткие пальцы прошли по струнам. Чёрный пёс вынырнул из лабиринта древних улиц, скользя между фигурами, каждая из которых была реальнее Анх-Джесера. И путь вдруг стал ясен, прямой, как стрела, пронзившая удушливое марево. Жрец шёл за своим Божеством, и как ни хотелось ему увидеть чудеса древних – его взгляд был прикован к поджарому чёрному силуэту впереди. Анх-Джесер знал, что будет, если он потеряет Упуата из виду, – отчётливо видел перед внутренним взором, как там, в *их времени*, останутся лишь древние кости среди руин.

Люди смеялись и говорили на древнем наречии, из которого он выхватывал знакомые слова. Здесь была их жизнь, и он был лишь смутным призраком, обретающим плоть с каждым следующим шагом.

Упуат ускорил шаг, и Анх-Джесер устремился за ним к святынищу в сердце города. Где-то там, впереди, Таа-Нефетари стала частью таинства, к которому стремилась, и жрецы приветствовали её как равную. Пламя вызолотило её чёрные

волосы, и песок отшлифовал алебастр её кожи. Преклонив колени в самом сердце бури – или всё же в сердце Золотого Города? – она пропевала воззвание, которому никто был не в силах научить её в их эпоху.

В их эпоху... тогда как здесь и сейчас всё было возможно. Из рук жрецов Нефертари приняла сокровенные дары. Сам Владыка Дешрет озарил своим присутствием открытое святилище под куполом вечного неба, тёмного, как первозданные воды творения.

Чёрный пёс замер, прижавшись к Анх-Джесеру, защищая. Пространство размыкалось, и ответ Богов становился явственнее, чем голоса живущих. Что видела сейчас Таа-Нефертари? Анх-Джесер знал лишь, что она желает остаться, забывшись, погружённая в откровение, которое он сам не в силах был осознать. Это таинство было *не для него*, хоть он и видел, слышал то, для чего не было слов, – болезненную красоту, вынимавшую сердце из груди. Безликие чудовища?.. Нет, всего лишь то, для чего не было имён. То, что жрецы и мастера тщетно пытались запечатлеть в символах и древних текстах... Вот что потерял, забыл их народ. Вот что пыталась вернуть его царица...

Огнегривые звери вынырнули из теней святилища, окружили Нефертари, и жрецы отступили. Царица пела и смеялась, и слёзы, золотистые в огнях светильников, струились по её родному прекрасному лицу. Сейчас она принадлежала этому времени, и внутренним взором Анх-Джесер видел,

как всё меньше её остаётся в настоящем... там, где всё ещё оставался он сам...

– Вернёмся, прошу! – воскликнул он, но его голос был не громче шелеста песка по древним камням.

Он чувствовал волю своего Бога, слитую с его собственной. Упуат настойчиво подтолкнул его вперёд. Здесь не было зла, но их жизни неумолимо менялись, и привычное таяло. Время, которого у них уже почти не было, отсчитывало песчинки.

Без страха Анх-Джесер шагнул в сердце святилища – в самое сердце бури, рождённой зовом Владыки Дешрет. Одна его рука покоилась на загривке чёрного пса, другая легла на плечо Нефертари. Миг – и казалось, что её плоть рассыпается, теряет осязаемость. Миг – и всё возвращалось.

– Ты желала вернуться. Желала вернуть забытое, – прошептал он, склоняясь к царевне, и закрыл глаза, чувствуя, как сила древнего ритуала охватывает его и принимает, утягивает так далеко...

Он очнулся в руинах какого-то здания из сырцового кирпича, наполовину засыпанных песками Дешрет. Чёрный силуэт остроухого пса, прорезавший ночь, склонился над ним. Зверь тронул носом лоб своего жреца, точно благословляя, и сгинул, растворился.

Буря унялась. В ясном небе луна серебрила кости древнего храма. Сердце оборвалось биением. Вскрикнув, Анх-Дже-

сер устремился к фигуре в светлых одеждах, безвольно лежащей на песке, и опустился рядом с ней, прижимая к себе.

Она была осязаема. В следующий миг он услышал её хрупкое дыхание, и от облегчения перед глазами помутилось.

Нефертари чуть улыбнулась, открывая глаза, глядя на него сквозь дымку увиденного. Тонкие пальцы едва ощутимо коснулись его щеки.

– Анх-Джесер...

Он хотел отозваться, рассказать, что им удалось вернуться в «здесь-и-сейчас», что он *видел* то же, что видела она, – но слова никак не шли. Главное, что она была рядом.

Царевна вдруг вздрогнула, приподнялась в кольце его рук, и он увидел, что девушка прижимала к груди сосуд из светлой глины.

В странных символах угадывались изображения, которые в их эпоху уже обрели совершенство отточенного мастерства, – лады, священные звери. Где она нашла сосуд – здесь же, в руинах? Или пронесла с собой сквозь эпохи дар древних жрецов?

Загадочно улыбнувшись, Нефертари перевернула сосуд и протянула ему небольшой самородок электрума. Самородок ещё не был амулетом, но Анх-Джесер чувствовал Силу, пульсирующую на ладони царевны.

– Я слышала Владыку Дешрет, – прошептала девушка. – Сет Нубти, владыка металлов, хозяин золотых копей. Дари-

тель... Теперь я понимаю. Он – не Божество захватчиков, Анх-Джесер. Он – *наш* Бог.

Песок, шелестевший в развалинах Золотого Города, вторил её словам.



Год 15XX до н. э., Нехен¹³

Не сразу, но Анх-Джесер понял смысл её слов. Тогда он ещё не знал, что их путешествие было далеко от завершения, ибо Зов вёл Таа-Нефертари дальше. Вместе они отправились к развалинам Нехена, обители сокологолового Хора, и время снова расступалось перед ними, обнажая смутные истины былого, которые жрец не сумел понять и расшифровать до конца.

¹³ Нехен – Иераконполь, город на юге Египта, известный с Додинастического периода. Древний региональный центр Верхнего Египта.

Он видел отголоски чужих битв и чужою же памятью помнил, как в пламени и крови выковывалось новое будущее их родной земли. Новая история, эхо которой сохранялось и теперь, когда так многое уже было забыто. Клич сокола в небесной лазури. Рёв зверя в мареве наступающей пустыни.

Ночью они сидели у маленького костерка, зажжённого там же, в полузабытых руинах. Ветер играл песком, заметающим давно отгремевшую здесь жизнь. Тихо потрескивало пламя, и вдалеке выли ночные хищники. Вечные звёзды, сиявшие для приходивших прежде так же, как светили сейчас Анх-Джесеру и его царевне, сегодня казались особенно близкими.

Привалившись к его плечу, Нефертари вычерчивала узоры на песке. Хмурилась, стирала, выводила снова. Жрец различал штандарты сепатов, священных зверей, среди которых видел и сокола, и ша, и волка – своего Бога, ныне забытого многими.

– Противостояние, – тихо проговорила девушка, разглядывая знаки. – Ты ведь видел его вместе со мной. Наши люди и наши Боги... А твой Бог, Открывающий Пути, великий воитель. Кто призывает его теперь, кроме тебя и немногих других? Эпохи меняются, меняемся мы. И меняются наши Боги... Но почему победители пишут историю подчас так незнаваемо?

– Какую историю напишешь ты, когда мы победим? – тихо спросил Анх-Джесер вместо ответа. – Захочешь предать

забвению? Или сохранить?

Она не нашла что сказать, снова посмотрела на знаки на песке, потом перерисовала два штандарта – сокола и ша – так, что они оказались вровень, словно спина к спине.

– Древние говорили мне о городе, откуда правили первые Владыки объединённой Кемет. Но путь к нему мне неведом, погребённый под песками. – Она вздохнула.

– Нубт и Нехен тоже были скрыты в гробнице песков, – заметил жрец. – Ты увидела мудрость зверя и ярость сокола. Возможно, не время смотреть дальше?.. Возможно, – осторожно добавил он, – пора вернуться домой. Ты ведь никого не предупредила.

– Нет, – она тряхнула головой. – Рано возвращаться. Я узнала ещё не всё. Я должна найти Чени¹⁴.

– Ты говорила, что будет только Нубт, – беззлобно поддразнил её Анх-Джесер. – Но потом пожелала увидеть Нехен.

– Они связаны! – возмутилась Нефертари. – Одного не могло быть без другого.

– Да, конечно, – улыбнулся жрец. – И всё же. Древняя столица, о которой мы ничего не знаем... Давай хоть ненадолго заглянем в Уасет. Поговоришь с отцом.

– Чтобы он запер меня во дворце?

¹⁴ Чени (др. егип.) – Тинис. Город в Верхнем Египте, существовавший с конца четвёртого тысячелетия до н. э. в эпоху первых государственных образований. Выходцы из тинитских правящих семей могли быть первыми объединителями страны. В настоящее время точное местоположение Тиниса неизвестно.

– Владыка не запирает людей в клетки – он разбивает око-
вы, – серьёзно заметил Анх-Джесер.

– Ты боготворишь его.

– На это есть немало причин, и не у меня одного.

Царевна вздохнула и закусила губу, борясь с собой.

– Я ещё не готова уйти отсюда, пойми. Храмы Нехена, гробницы... отсюда я могу узнать путь в Чени. Боги, здесь я ещё столько могу узнать!

Шелест ветра в руинах вторил её словам. Древние жаждали поделиться своими тайнами, и как мало было нескольких ночей для сердца, стремящегося к утерянному Знанию. Анх-Джесер знал, что за каждый из этих дней придётся дорого заплатить. Возможно, он лишится доверия Владыки... Даже думать об этом было страшно, но подводить её – ещё страшнее.

В какой-то миг жрец понял, что в этих руинах они уже не одни. Нефертари была всё так же погружена в свои мысли, вычерчивала фигуры на песке и беззвучно что-то шептала. Но он отчётливо слышал звуки, чуждые для ночной тишины. Подхватив посох, Анх-Джесер резко поднялся и отступил от костра на несколько шагов. Полуразрушенная стена из сырцового кирпича давала какое-то укрытие, но отблески костра наверняка было видно издалека.

Что ж, иногда пустыня бывала не такой уж пустынной...

– Куда ты? – тихо окликнула девушка.

Жрец вскинул руку, велел ей затаиться, и прислушался.

Вдалеке коротко взлаял зверь, словно предупреждая. Анх-Джесер внял зову своего Бога – прыгнул, откатился... как раз вовремя – в место, где он только что стоял, вонзилась стрела.

Ночная темнота породила несколько фигур, вполне обычных, земных, принадлежавших их эпохе.

– Незваные гости на нашей земле, – задумчиво протянул один из них, поигрывая булавой.

Анх-Джесер отступил, закрывая собой царевну, стараясь держать в поле зрения всех пятерых. Мужчины были вооружены. Ни доспехов, ни опознавательных знаков. Разбойники, промышлявшие на путях караванов... Но ведь в этих развалинах не пролегал ни один торговый путь. Возможно, здесь они скрывались от правосудия?

Отвлечь, выиграть время... на этом сошлись все его мысли.

– Мы уйдём, – тихо заверил Анх-Джесер. – Прямо сейчас.

– И приведёте псов Владыки? – ухмыльнулся кто-то.

– О, да вы посмотрите – с ним женщина.

– Далековато забрались от уютных жилищ.

– Может, всё-таки пригласите к костру? Раз уж оказались у нас в гостях.

– Эй, красавица, скрасишь нам эту ночь песней? Или не только песней.

– Да ты хоть знаешь, с кем... – возмущённо начала Нефертари, но Анх-Джесер шикнул на неё, пока не выдала себя.

Он лихорадочно соображал, как быть. Отвлечь их внимание, чтобы царевна успела сбежать... Вот только Таа-Нефертари никогда не сбегала.

– Давай сюда свой посох, пока не ушибся, – осклабился первый, с булавой. – Повезло тебе, что пришёл с девчонкой – девчонки к нам заходят редко. Может, даже отпустим, если понравится. Или отпустить тебя сразу?

– Да ты чего, Хебни, разболтает же всем о тайнике! – возмутился лучник и тут же получил зуботычину.

– Заткнись ты, сам знаю. Ну что ж. Придётся тебе тогда посмотреть, как мы развлекаемся...

От гнева перед глазами потемнело.

– Беги! – рявкнул Анх-Джесер и устремился на главаря, с силой ударил посохом под дых, прежде чем тот успел опомниться.

Лучник запоздало выстрелил, но промахнулся. Увернувшись от удара булавы, жрец сделал подсечку посохом, повалил мужчину на песок и ударил уже кулаком так, что хрустнула переносица.

Подоспели остальные, набросились, оттащили. Главарь поднялся, зажимая ладонью нос. Анх-Джесер дёрнулся, рывком попытался освободиться, но несколько ударов в грудь и живот заставили его обмякнуть. От удара кулаком в лицо в сознании помутилось. Упрямо он тряхнул головой, сплёвывая кровь. Главарь навис над ним, сжал пальцами подбородок, заставляя поднять голову и посмотреть в глаза.

– Ты будешь умирать медленно, тварь, – пообещал он. – Не раз пожелаешь, чтобы падальщики уже пожрали твои внутренности.

– Отпустите его! – прозвенел властный голос.

Анх-Джесер прикрыл глаза, понимая, что всё кончено. Как он и ожидал – Таа-Нефертари не послушала его приказа.

– О-о, девчонка умеет управляться с луком? – рассмеялся кто-то.

Свистнула стрела, и один из разбойников взвыл, повалившись на песок с простреленной ногой. Анх-Джесер тихо вздохнул, собираясь с силами для нового рывка. Оружие было бесполезно. Отстроить сознание, призвать тени некрополя... если успеет... если хватит сил...

Холод лезвия у самого горла отрезвил его.

– Если хочешь, чтобы твой друг ещё провёл с нами некоторое время – брось оружие, – почти ласково посоветовал главарь. – Оно тебе совсем не идёт. Порадуешь меня – и я вспомню, что значит быть милосердным.

Не дожидаясь развязки, Анх-Джесер зашептал призыв Упуату. Тени у костра сгущались. Ночь оживала эхом древних мёртвых.

Кто-то встревоженно вскрикнул.

Лезвие вскрыло кожу, и тёплая струйка крови побежала по шее. Жрец повторял речитатив. Он должен был успеть...

– Хорошо, твоя взяла! Я опускаю оружие, видишь? Не трогай его. – Голос Нефертари звучал твёрдо, но Анх-Дже-

сер различал в нём нотки тревоги. – Подойди. Посмотри, я безоружна.

– Нет, беги! – крикнул жрец, не сдержавшись, прервав речитатив.

Главарь, отведя нож, ударил его наотмашь так, что клацнули зубы.

– Заткнись. Твоя девчонка поумнее тебя будет.

Вдалеке тоскливо завывали шакалы. Разбойники, державшие Анх-Джесера, встревоженно переговаривались, чуя силы, которые он разбудил. В нескольких шагах от них сыпал проклятиями их товарищ, раненный стрелой царевны.

Главарь, поигрывая ножом, двинулся к костру. К Нефертари.

– Вот умница. И хорошенькая к тому же...

– Хорошенькая, – тихо согласилась царевна. – Моей красоты хватит на вас всех.

– О, даже так? – хохотнул мужчина.

– Конечно. Просто иногда красота... ослепляет, как ярость солнца...

Что произошло в следующий миг – Анх-Джесер не успел понять. Ночь полыхнула ярким заревом тысячи костров, словно сама Сехмет обрушила гнев на землю, как в старинных легендах. Он слышал дикие крики, которые, казалось, не в силах было исторгнуть человеческое горло. От удушливого запаха палёной плоти стало тяжело дышать. Жар стал нестерпимым, похищая дыхание, и от боли он почти потерял

ощущение реальности... а потом вдруг понял, что больше его никто не держал. С усилием Анх-Джесер опёрся на руки и поднялся на колени, озираясь. По крайней мере, у него всё ещё были глаза, и он разглядел то, что осталось от костра, – алые угли, дотлевавшие в нескольких шагах.

И пять мёртвых тел – оплавленная плоть на почерневших костях.

И хрупкий светлый силуэт, застывший над ними.

– Я просто... хотела защитить... – Её голос надломился. Нефертари смотрела на него расширившимися от ужаса глазами, ожидая, что он сбежит отсюда. От всего, что случилось здесь. От неё.

Пошатываясь, Анх-Джесер поднялся – на это потребовались едва ли не все его силы. Он очень надеялся, что ободряющая улыбка сейчас не походила на оскал. Сократив расстояние между ними, он обнял свою царевну и тихо заверил:

– Ты и защитила.

– Ты не боишься меня? – прошептала она, заглядывая ему в глаза.

Анх-Джесер погладил её по волосам.

– Никогда.

Им обоим ещё только предстояло понять, какой Силой она была наделена теперь. Но в его сердце не было и не могло быть страха.



Глава 5

Открывающий Пути



Безвременье

«...Эта женщина была могущественной колдуньей, повелевающей пламенем и песками... И чудовища пустыни ходили за ней по пятам, пожирая её врагов... И зверем ластился к её ногам огонь... Огонь!..»

Жар был так силён, что из лёгких как будто выжгло весь воздух. Он даже вскрикнуть не сумел – только хрипло выдохнул, отпрянул, чтобы немного отдышаться, едва удержал равновесие и снова схватился за стену в поисках хоть какой-то опоры. Рядом безмолвными тенями застыли мертвецы и всё так же мягко светились знаки.

Чуда не случилось – проход за стеной не открылся, по крайней мере физически. А не физически... целый сонм образов наполнял сознание, и все они казались реальнее, чем даже его собственная уже меркнущая в памяти жизнь. Он видел иную эпоху и видел людей, живых, реальных, кажущихся уже почти родными, когда смотришь *их* глазами.

Якоб потёр ладонями лицо, уже не понимая, что было настоящим. Кольцо нагрелось и жгло палец, но почему-то он был уверен – снять не получится. Обречённо он поднял взгляд, посмотрел на застывших рядом товарищей по несчастью, ожидающих непонятно чего. Сейчас они казались не живые гротескных манекенов. Эдакие декорации к ужасу неведомого режиссёра, который взял в свою команду ещё и его, Войника. Притом безо всякого согласия.

– Двери здесь нет, – произнёс Якоб вслух, просто чтобы окончательно не тронуться умом.

– Есть. Но ключ лишился целостности, – мягко произнёс чей-то голос.

Войник вздрогнул, но обернуться решился далеко не сразу, уже не зная, к чему быть готовым.

К счастью, увидел он не чудовище, не ещё одну восставшую мумию. У запертых дверей стояла женщина в светлых одеждах, которую он совершенно точно видел прежде. Тёмно-медные змейки кос обрамляли лицо, прекрасное, но такое невыразимо печальное, что всякий страх исчез. Хотелось сделать что-то для неё, успокоить... хотя, возможно, в этом она совсем не нуждалась.

Ожившая реконструкция профессора Тронтона... хозяйка гробницы, сотканная не то из теней памяти, не то из иллюзий разгорячённого бредящего сознания.

Медленно мёртвая царевна прошла вдоль стены, провела точёной ладонью по светящимся знакам. В тишине тихий перезвон её украшений и шелест одежд казались оглушительными.

– Правый глаз Его – Солнце, и левый – Луна. И когда ослеплён Он, то карает друзей своих, принимая их за врагов, – нараспев произнесла она.

Какой бы это ни был язык, Якоб понимал его.

Невидящие взгляды мертвецов обратились к ней. Царевна приблизилась.

– Кровь пробуждает ярость. Карающее пламя.

Ласково она коснулась плеча Ахмеда, и тот осел, осыпался к её ногам. Якобу показалось, что он услышал тихий вздох облегчения, пронёсшийся по залу робким порывом ветра. Потом пришёл черёд Рашида и Ричарда. Хозяйка гробницы... нет, не уничтожила их – освободила. И когда от них

остались лишь прах да ветхое тряпье, царица посмотрела на Якова.

– Вот что они принесли в обитель Стражей. Кровь. Страх. Смерть. Что принесли, то и пробудилось... Жертва во имя царицы, призванная не упокоить – замутнить чистоту восприятия. Но слепой гнев карает не только тех, кто заслужил его сполна. Увы...

Яков не знал, что сказать, – просто смотрел на гостью своих снов, на ту, с чьей жизнью соприкоснулся так явственно, словно прожил её сам.

– Таа-Нефертари... – прошептал он.

Царица чуть улыбнулась. Её глаза и правда были похожи на тёмные драгоценности, какими Яков помнил их чужой памятью. Помнил эту Силу и красоту, неподвластную ни словам, ни песням. Сморгнув, он увидел иной её образ, иссушенный, полуистлевший, но сбросил наваждение страха. Хозяйка гробницы пожелала показаться ему в ином облике, и её присутствие не несло с собой касания липкого ужаса, как прежде.

– Я разглядела это не сразу, но... Ты в самом деле похож на моего доброго друга, первого обладателя кольца в новой эпохе, – тихо проговорила она. – Такие, как мы, рождаются иногда. Хранители ключей... или Ключи сами по себе. Время, пространство – на этих тропах нам так легко заблудиться. Так легко кануть в ужас перед неведомым, прежде чем и неведомое становится тебе добрым другом. Знакомым и

непознаваемым.

Её голос лился тёмной рекой, завораживающий, словно вязь заклинаний. Якоб не был уверен, что понимает до конца, но слова вызвали в его сердце сильнейший резонанс.

– Ты ещё в самом начале своего пути, хоть и успел уже увидеть крохотные части великого множества удивительных вещей.

– Я не пытался вникать в волшебство – это оно проникло в меня, – пробормотал Войник слова какой-то старой песни.

– Я бы не выбрала тебя, но выбора у нас нет, кроме того, что мы уже совершили, – сухо сказала она и положила ладонь на стену, поверх сомкнутых рук мужчины и женщины на рельефе. – Следуешь ты за призрачной кошкой или за чёрным псом... всё едино.

– Я что, получается, тоже уже умер?

Она усмехнулась:

– Для нас это не так уж важно. Но на самом деле здесь и сейчас нет ни тебя, ни меня... или, напротив, то от нас, что по-настоящему имеет значение, пребывает именно здесь? Твоё тело погребено под обломками. Моё – распилено на части на потеху толпе гостей. И каждый, кто вкусил моей плоти, сгорел в моём пламени, которое они призвали.

– Это... это ведь было давно, – неуверенно проговорил Якоб. – А я провалился в катакомбы совсем недавно.

– Когда странствуешь тропами времени, нет ни «давно», ни «недавно». А ты, как и я, – странник... но пока далеко

не Страж.

– Мне бы... если можно... поконкретнее, – неуверенно проговорил Войник. – Я всё-таки жив? И зачем-то ты ведь выбрала меня? Для чего?

Она не ответила, лишь усмехнулась, безмолвно напомнив о сказанном только что – не выбрала бы. Обижаться было, наверное, глупо, но всё равно стало досадно.

– Я не знаю твою историю, – буркнул Якоб. – Не знаю даже, что увидел здесь вот буквально только что. Но я хотя бы пытаюсь понять!

Воцарившаяся тяжёлая тишина угнетала, а у Войника было слишком много вопросов. Задать ни один он не успел – Таа-Нефертари заглянула ему в глаза, и чужая память захлестнула его с новой силой.



Год 15XX до н. э., Абджу¹⁵

Анх-Джесер хорошо помнил, как впервые оказался в Абджу – ещё очень давно, вместе с матерью, жрицей далеко не самого влиятельного теперь культа. Но именно мать научила его слышать мёртвых, говорить с тенями, взывать к памяти и оборачивать её для защиты. Увы, Упуат позвал её на неведомые тропы слишком скоро, но Анх-Джесер помнил её уроки, её песни и старинные легенды. Сказки о смерти и возрождении, которыми было наполнено его детство. О том, как легко дух преодолевает время и пространство. О том, что предки – совсем близко, только руку протяни, и больше не испытаешь одиночества... Всё это обретало новый смысл теперь, когда он оказался в доме своего Бога уже с Таа-Нефертари.

Множество паломников приходило в Абджу – и рэмеч¹⁶, и хека-хасут¹⁷. В таких Местах Силы стирались границы. Восторг, почтение, трепет перед вечностью роднили старинных врагов не меньше, чем возможность преломить в пути хлеб или пропустить у костра в пустыне кружку доброго пива. От-

¹⁵ Абджу (*др. егип.*) – Абидос, древнеегипетский город, известный с четвёртого тысячелетия до н. э. Мощный культурный и религиозный центр. Изначально был центром культов Хентиаменти и Упуата, позже – Осириса.

¹⁶ Рэмеч-эн-Кемет (*др. егип.*) – самоназвание древних египтян, народ Чёрной Земли.

¹⁷ Хека-хасут (*др. егип.*) – древнеегипетское название народа гиксосов, дословно – «властители чужих земель».

голоски войны словно и вовсе не коснулись этих мест, хотя и жрец, и его царевна помнили свою историю. До того, как хека-хасут покорили земли вокруг Абджу, им противостоял великий воитель, чьё имя теперь боялись вспоминать. И говорили, что похоронен он был тайно где-то здесь, среди гробниц древних, но если кто и знал путь к его последней обители – молчали, защищая от осквернения. Даже мать Анх-Джесера не знала этих троп, хотя знала имя – Сенебкаи, сын Ра, потомок властителей.

Но Таа-Нефертари пришла в Абджу не в поисках гробницы великого воителя, смелостью которого были наделены и она сама, и вся её семья, сохранявшая последний оплот противостояния. Она следовала за видениями, открывшимися ей в Нубте и Нехене. За образами, которые чертила на песке. За обрывочными рассказами, из которых Анх-Джесер пока не мог выстроить цельную историю. Она грезила о Владыках из Чени, но одно имя, нащёптанное древними, повторяла чаще прочих, даже во сне. Был ли когда-то такой Владыка или пригрезился ей, Анх-Джесер не мог сказать наверняка. Даже имя его казалось не более чем легендой.

Хасехемуи¹⁸. Воссиявший двумя жезлами. Тот, в ком умиротворились оба Бога – Хор и Сет. Даже представить, что кто-то из Владык в самом деле призывал обоих и был благословлён ими равно, было трудно... Но после путешествия в Нубт и Нехен, сквозь танец эпох, Анх-Джесер готов был

¹⁸ Хасехемуи – фараон эпохи Раннего Царства (Вторая Династия).

принять и поверить во многое.

Нефертари говорила, что найдёт его гробницу, пусть ей так и не удалось отыскать путь в Чени. Твердила, что это было так важно – и для неё, и для всех них. По-своему жрец понимал – ей нужно было удостовериться, что она не отступница, не колдунья, отмеченная пламенем проклятых песков. Что у неё тоже есть своё место в Обеих Землях и в династии Владык... Как будто для этого нужны были какие-то подтверждения! Достаточно того, что она просто была. По крайней мере, ему, Анх-Джесеру, всегда этого было достаточно.

На остраконах она рисовала фрагменты карт, которые никак не могла сложить воедино. И серебряный серп Северного Неба. И штандарты с ша и соколом, носившими венцы Верхней и Нижней Земли. Наверное, кто-то назвал бы её одержимой... Анх-Джесер же просто пытался помочь ей понять, удержаться на хрупкой грани между реальностью и видениями, сохранить баланс смертного разума, который был просто не в силах вместить в себя всё.

Но никто не мог подсказать им, где искать путь. В стороне от караванов паломников, от шумного города, окружавшего старинные храмы, Таа-Нефертари бродила по заброшенным некрополям, точно заблудившаяся тень. И Анх-Джесер следовал за ней верным стражем. Он призывал на помощь все свои таланты и умения, раз за разом обращаясь к теням памяти, к древним, чьи имена уже были забыты, а гробницы

– занесены песками. Взор Упуата благословлял его, но даже Открывающий Пути не спешил поднимать вуаль тайны... или они просто смотрели не туда?

Ещё один день и половина ночи завершились бесплодными поисками. Усталая и расстроенная Нефертари забылась тревожным сном. Анх-Джесер охранял лагерь. По границам круга света бродили смутные тени, иногда похожие на людей, но чаще – на тёмных псов, вестников Упуата, которых он призывал всё чаще.

Даже во сне лицо царевны оставалось напряжённым, и тревожная морщинка пролегла между бровями. Словно каждый миг без отдыха она пыталась разгадать тайну, открыть двери, к которым не хватало ключей. Она отказывалась верить в то, что видение было лишь отголоском легенды, и Анх-Джесер не решался переубедить её. Да, легенды тоже основывались на истине, но иной раз их нельзя было трактовать настолько буквально. Возможно, она ошибалась, но он готов был перевернуть небо и землю, чтобы найти для неё то, к чему так стремилось её сердце.

Краем глаза он заметил какое-то движение, резко повернулся, крепче сжав посох и положив ладонь на рукоять кинжала. Чёрный пёс замер на границе круга. Отблески пламени отражались в тёмных глазах, внимательно изучавших жреца.

В тот миг он вдруг понял.

– Нет, я не могу оставить её, – прошептал Анх-Джесер,

качая головой.

Пёс лишь повёл острыми ушами, выждал немного и растворился в ночи. Последний шанс...

Жрец осторожно потряс царевну за плечи.

– Просыпайся. Я должен уйти. Дождись меня.

– Что... куда ты?..

– Дождись.

Коротко поцеловав её – словно запечатывая невысказанное обещание, – Анх-Джесер подхватил посох и устремился за псом. До рассвета было ещё далеко. Мастабы¹⁹ древних и руины святилищ, похожие на причудливо разбросанные обломки скал, простирались вокруг, насколько хватало глаз. Далеко за спиной остался город Абджу, обитель таинств, мечта многих.

Легконогие тени-псы мчались по песку, и он едва поспевал за ними. Ночь была густой, тёмной, как преддверие Дуата... Впрочем, возможно, сейчас так и было, да и ему ли не знать, что во всяком некрополе границы привычного истончались.

Перед ним выросли полуразрушенные стены древней заброшенной крепости. Если Сенебкаи и другие властители Абджу и пытались восстановить её для своих нужд, хека-хасут разрушили всё, что уцелело, ещё несколько десятилетий

¹⁹ Мастабы (*араб.*) – пер-джет (*др. егип.*), «дом вечности». Ранний вид древнеегипетских гробниц эпохи Раннего и Древнего Царств. Имели форму усечённой пирамиды, с несколькими помещениями внутри.

назад. Но точно кости фантазмагорического мёртвого зверя, руины возвышались над песками, безмолвно повествуя о давно угасшей славе.

Анх-Джесер был уверен – они с Таа-Нефертари уже были здесь раньше. Здесь *ничего* было искать! Но тени-псы вели его всё глубже к руинам, к зияющим гротам полузасыпанных гробниц.

В какой-то миг земля под ним вдруг содрогнулась и осypалась. Он даже вскрикнуть не успел – провалился в темноту. К счастью, падать было неглубоко, хотя крошечная тьма скрадывала и очертания форм, и расстояния. Не сразу, но его взгляд различил сбитые плиты ступеней, ведущих куда-то глубже. Чёрные псы растворились бесследно, приведя его к этому месту. Но куда идти дальше? Анх-Джесеру уже доводилось видеть гробницы древних – переходы, засыпанные песками за много веков так, что никакой надежды отыскать путь уже не оставалось. А там, куда можно было добраться, всё уже было разграблено в эпохи смут. Но ведь не просто так пришли вестники Упуата? Не просто так он звал их все эти ночи... и только теперь понимал, что в это место должен был прийти один, сам.

Видения обрушились на него сокрушительным потоком. Осознание прошлого и будущего, понимание его роли. Место Силы звало его, перековывало под себя, обращая ко всем его талантам и умениям сразу. Ему предстояло создать нечто подобное... гробницу... проход меж простран-

ствами... Проложить новый путь к забытому... Но разве такое было возможно?

Ошеломлённый, Анх-Джесер осел на стёртые временем ступени, бессильно глядя перед собой, прозревая под толщей песка множество погребальных покоев древней гробницы и то, что лежало за ними. Пронёсся порыв холодного ветра, обдавая его дыханием Дуата. Нечто подобное он не раз испытывал, когда оказывался у «ложных дверей» гробниц, сквозь которые духи пересекают границы привычного мира и возвращаются откуда пришли. Но вместе с ощущением причастности к чуду его вдруг охватила такая пронзительная болезненная тоска, что хотелось быть раненым зверем от потери, которую он пока не пережил... которую пока понимал лишь смутно...

Жрец тяжело опёрся на ладонь, и рука отозвалась тупой болью, когда он наткнулся на камень. Или то был не камень? Без особого любопытства Анх-Джесер раскопал тонкий слой песка, поднял округлый предмет и попытался его разглядеть, хотя где уж там, в такой-то темноте. Но кончики пальцев нащупали узор знаков.

Когда он вернулся к костру, уже светало. Таа-Нефертари, упрямо пытаясь не заснуть, ждала его. Угли успели прогореть, и она куталась в плащ, едва защищавший от холода пустыни.

– Я пыталась найти твой след, но заблудилась в некропо-

ле. – Она нахмурилась. – Пришлось вернуться. Где ты был?

Вместо ответа Анх-Джесер протянул ей открытую ладонь, на которой покоился обломок печати с именем древнего Владыки.

Хасехемуи.

Нефертари издала возглас, в котором смешались изумление и радость. Совсем как в вязи знаков, которые она чертила на песке, в этом имени переплетались изображения обоих Богов. Примирение древних врагов, покровительствовавших их возлюбленной земле равно.

– Ты была права. Он жил, и я проведу тебя к его последней обители.

Тогда Анх-Джесер ещё не знал наверняка, лишь догадывался, что от Абджу начнётся их путь длиною в целую жизнь и даже больше.



Безвремье

Войник вынырнул, точно из глубокого омута, хватая ртом воздух. Очертания древних некрополей плыли перед глазами, как отражение в мутной воде, пока, наконец, снова не сложились в гробницу, в которой он находился сейчас. Или не находился?..

– Есть места, где время и пространство эфемерны. Прорехи в зримой ткани реальности. Ложные двери. Мы хранили одно из таких Мест Силы... одну из таких дверей, очень важную... За ней ты не найдёшь несметных сокровищ, если измеряешь сокровища золотом. Но многие жаждали именно этого. – Царевна протянула руку, накрывая ладонью пальцы Якоба поверх кольца. Её прикосновение оказалось не пугающим – тёплым, очень приятным, как напоминание о чём-то бесконечно знакомом и родном.

Перед мысленным взором вспыхнуло видение – Таа-Нефертари вынесла из бури времени самородок электрума. Из электрума древних, каким-то образом переместившегося сквозь эпохи, было отлито её кольцо... и то, другое, тоже...

– Да, кольца было два, – мягко добавила она. – Вместе они составляли Ключ, выкованный из наших чаяний, из того, что составляло нас самих. Ключ для жаждущих власти... или для тех, кто мечтал о Знании, как и мы сами когда-то... Сила разящая и Сила защищающая... Но Сила – лишь ору-

жие, которое направляет воля. Ключ тоже подвластен воле, и только. Кто и как распорядится им...

Таа-Нефертари замолчала, и её взгляд потемнел от печали и гнева.

– Твоя гробница... Место Силы? Прореха в ткани времени?

– Место Силы, на котором был построен Дом Вечности. Когда-то оно принадлежало другим... задолго до моего прихода и даже до Владыки Нетчерихета... Оно звало меня при жизни и после смерти. Как и ты, когда-то я искала ответы. Но в отличие от тебя я искала и оружие, способное покарать моих врагов... – Таа-Нефертари погладила изображение чёрного пса и нежно провела кончиками пальцев по лицу мужчины на рельефе. – Много было мне подвластно, но не я открывала эти тропы. Не я находила дороги, я лишь озаряла их яркой вспышкой... *Он* был моим Открывающим Пути в самую тёмную ночь и в моменты самого безнадежного поражения.



Глава 6

Среди песков и времён



Год 15XX до н. э., Абджу

- Осквернители гробниц!
- Грабители!
- Нечестивцы!

Анх-Джесер хмуро смотрел на окруживших их людей, за-
слоня собой Нефертари. Какая ирония Богов, ведь именно
с таких обвинений когда-то и началось их знакомство... Па-

ра стражей из числа рэмеч молчали, не спеша с обвинениями. Впрочем, в возмущённой толпе собравшихся хватало и уроженцев Кемет, но хека-хасут выражали свою неприязнь неприкрыто. Казалось бы, какое им дело до чужих некрополей? Или уже считали своими? Быстро же они перенимали культуру. В этом жрец уже не раз успел убедиться в ходе их с Нефертари путешествия.

В неверном свете факелов люди казались гротескными тенями, а всё происходящее – немного нереальным. Но не мог ведь его Бог отвернуться теперь? Здесь, в своём священном месте, Упуат должен защитить их.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.